

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Тольяттинский государственный университет»  
Институт права  

---

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»  
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция  

---

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс  

---

(направленность (профиль))

## **ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему «Актуальные вопросы квалификации вымогательства»

Студент

Е. И. Луптакова

---

(И.О. Фамилия)

---

(личная подпись)

Научный  
руководитель

канд. экон. наук, С.Б. Сыропятова

---

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

## Оглавление

|                                                                                           |    |
|-------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Введение .....                                                                            | 3  |
| Глава 1 Понятие вымогательства как уголовно-правовой категории .....                      | 6  |
| 1.1 Понятие вымогательства в российском уголовном праве .....                             | 6  |
| 1.2 Характеристика объекта и предмета как составной части категории «вымогательство»..... | 9  |
| 1.3 Субъект и субъективная сторона вымогательства .....                                   | 15 |
| Глава 2 Квалифицированные составы вымогательства .....                                    | 20 |
| 2.1 Квалифицирующие признаки вымогательства .....                                         | 20 |
| 2.2 Разграничение вымогательства со смежными составами .....                              | 31 |
| Глава 3 Проблемы квалификации вымогательства и пути их решения.....                       | 50 |
| 3.1 Особенности квалификации вымогательства .....                                         | 50 |
| 3.2 Пути решения проблем квалификации вымогательства .....                                | 58 |
| Заключение .....                                                                          | 62 |
| Список используемой литературы и используемых источников .....                            | 65 |

## Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что вымогательство является одним из наиболее распространенных преступлений против собственности. Общественная опасность вымогательства заключается, в первую очередь, в посягательстве на несколько объектов, широком территориальном и количественном распространении, а также различных социально-опасных последствиях.

Также, вымогательство характеризуется высокой латентностью. Жертвы подобных преступлений склонны выполнять требования преступника и не обращаться за помощью к правоохранительным органам. Чаще всего, это связано с неверием в органы правопорядка, в то, что им действительно помогут, а также опасение за жизнь и здоровье не только собственное, но и близких лиц, а также имущество.

Доля вымогательства в системе преступлений против собственности в последние годы неуклонно растет. Так, по данным статистики в 2016, 2017, 2018, 2019 и 2020 гг., доля вымогательств составляла: 0,36; 0,30; 0,37; 0,44; 0,46 процентов соответственно [45]. Количество зарегистрированных вымогательств в 2016, 2017, 2018, 2019 и 2020 гг. составляло: 4541, 4259, 4561, 5159 и 5100 преступлений [45].

Увеличение количества зарегистрированных преступлений связано с законодательным расширением объекта и объективной стороны вымогательства. За исследуемый период, прослеживается негативная тенденция снижения раскрываемости преступлений.

Значительное снижение раскрываемости последовало за принятием Пленумом Верховного суда РФ Постановления «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 УК РФ)» [34] в 2015 г. Раскрываемость в 2016, 2017, 2018, 2019 и 2020 гг. составила: 3610, 2955, 2506, 2700, 2659 преступлений соответственно [45].

В настоящее время, вымогательство становится все более интеллектуальнее и изощреннее, что связано с информационным прогрессом общества, а также совершенствовании навыков профессиональных преступников.

Общественная опасность рассматриваемого преступления повышается в связи с тем, что нередко вымогательство, сопровождается повреждением или уничтожением, имущества, пытками, насилием по отношению к потерпевшему или кругу его близких лиц.

Целью исследования выпускной квалификационной работы магистра является изучение понятия, особенностей и проблем уголовной ответственности за вымогательство в Российской Федерации.

В связи с поставленной целью были определены следующие задачи:

- определить понятие вымогательства как уголовно-правовую категорию;
- рассмотреть квалифицированные составы вымогательства;
- проанализировать проблемы квалификации вымогательства и пути их решения.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в ходе реализации уголовной ответственности за совершение вымогательства.

Предмет исследования – уголовно-правовые нормы об ответственности за вымогательство, материалы правоприменительной практики уголовных дел в отношении вымогательства.

Теоретическую основу исследования составили труды таких ученых, исследовавших вопросы уголовной ответственности за вымогательство, как: Н.А. Амелькина, М.Ф. Баракова, Т.О. Бозиев, С.Н. Бычков, А.А. Чернядьева, Р.Ф. Гарифуллина, С.П. Капустин, С.М. Кененбаев, Н.В. Кондаурова., О.Н. Костяева, Р.В. Красинский, Д.Г. Марьев, А.В. Мелентьев, А.С. Минакова, Н.Д. Ратникова, М.А. Москвина, Ю.А. Никитин, И.Ф. Перов, А.Н. Павлухин, А.С. Руденко, Н.Д. Эриашвили, И.В. Погромская, Д.А. Войнова, Е.А. Попова,

А.С. Ярославцева, С.А. Ступина, М.Н. Зацепин, А.М. Зацепин, Л.А. Абашина, М.И. Лавицкая, О.В. Ефремова, и других авторов.

Методологической основой исследования выступают в первую очередь, общенаучный диалектический метод познания, а также специальные методы исследования, к которым можно отнести: сравнительно-правовой, формально-логический, системно-структурный и ряд других.

Нормативно-правовую основу исследования составили положения Конституции РФ [20], УК РФ [46], ГК РФ [10], иного законодательства в данной сфере.

Научная новизна исследования состоит в изучении проблем квалификации вымогательства, а также разработке предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Структура выпускной квалификационной работы состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

## **Глава 1 Понятие вымогательства как уголовно-правовой категории**

### **1.1 Понятие вымогательства в российском уголовном праве**

В ст. 163 УК РФ вымогательство определено как «требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких».

Как отмечают Л.А. Абашина, М.И. Лавицкая, О.В. Ефремова, «само семантическое наполнение дефиниции вымогательства, если исходить из словарного толкования этого термина, предполагает возможность добиваться получения чего-либо путем угроз, принуждения, насилия» [1, с. 53].

В настоящее время, как справедливо подчеркивает С.А. Елисеев, «уголовно-правовая дефиниция вымогательства оказалась значительно расширена именно под влиянием правоприменительной практики» [11, с. 24]. Тем не менее, «легальное определение вымогательства, сформулированное в российском уголовном законодательстве в ст. 163 УК РФ, в актуальной редакции этой нормы подвергается критике многих исследователей, настаивающих на редакционной и (или) концептуальной правке описательной диспозиции данной нормы» [42, с. 57].

Например, Е.А. Попова предлагает следующее авторское определение диспозиции ст. 163 УК РФ: «вымогательство есть противоправное принуждение потерпевшего к безвозмездному предоставлению имущественной выгоды посредством угрозы, способной причинить существенный вред интересам потерпевшего или связанного с ним лица» [33, с. 390]. Данный автор отмечает «потребность в законодательном совершенствовании формулировки понятия вымогательства несоответствием

правилам законодательной техники, а именно: избыточностью описания в законе вариантов содержания вымогательской угрозы, как и перечисления разновидностей предмета вымогательства». С точки зрения Е.А. Поповой, «это представляется излишним, поскольку не позволяет описать вымогательство в законе в виде обобщенной формулы, в которой было бы достаточным указание на то, что угроза способна причинить существенный вред интересам потерпевшего или связанного с ним лица» [33, с. 391]. М.Н. Любивая также подчеркивает «необходимость коррекции легального определения понятия вымогательства», полагая, что «способ вымогательства в дефиниции должен быть определен не через требование, а через принуждение, причем последнее может быть применено, с ее точки зрения, и к бездействию имущественного характера» [24, с. 357]. Такая точка зрения неудивительна, поскольку, рассматривая смысловое наполнение термина «угроза», исследователи традиционно трактуют ее как «принуждение, средства понуждения» [26, с. 376].

Ряд исследователей, настаивая также, помимо уточнения легальной дефиниции «вымогательство», на определении понятия «шантаж», тем не менее, считает «возможным его существование как разновидности вымогательства в рамках ст. 163 УК РФ» [47, с. 41].

Как отмечают исследователи, «изучив особенности установления ответственности за вымогательство в зарубежных странах, нельзя однозначно установить предпочтительность конструкции объективной стороны вымогательства, исходя из анализа и зарубежного уголовного права. Шантаж как вид вымогательственной угрозы может существовать в отечественном уголовном законодательстве в ст. 163 УК РФ, в этой части его коррекция не требуется, как не требуется и помещение шантажа в отдельный состав преступления. Однако, вызывает недоумение использование термина шантаж во многих статьях УК РФ (ч. 1 ст. 127.1, ч. 1 ст. 133, ч. 1 ст. 283.1 ч. 1 ст. 302, ст. 304, ч. 2 ст. 309 УК РФ) и в конструкциях основного состава, и в качестве квалифицирующего признака без его легального семантического проявления

или хотя бы определения этого понятия путем нормативного толкования» [14, с. 75]. Выходом из сложившейся ситуации может стать предложение ряда исследователей, которые полагают, что «диспозиция ст. 163 УК РФ должна стать простой, а в примечании к этой норме по аналогии со ст. 158 УК РФ следует дать широкое и одновременно простое по конструкции определение вымогательства, которое охватывало бы и шантаж, с применением отсылочных норм в других статьях УК РФ, где упоминается шантаж, к ст. 163 УК РФ для прояснения его значения» [47, с. 42].

Исследуя содержание легальной дефиниции «вымогательство», эти исследователи также считают, что «оно далеко от совершенства: к его недостаткам в действующей редакции, с одной стороны, относятся его чрезмерная казуальность в описании предмета преступного посягательства и размытость, нечеткость объективной стороны состава преступления, а с другой стороны, невозможность охвата этим составов всех гипотетически возможных случаев вымогательства, которые могут совершаться и с помощью иных «вымогательских» угроз, нежели чем те, что упомянуты в диспозиции ст. 163 УК РФ, и перечень которых является закрытым» [14, с. 76]. В сущности, они считают, что «ключевым в описании объективной стороны должно стать принуждение (вариант – понуждение), а не требование, предлагая авторское определение вымогательства: «совершенное с корыстной целью или из иной личной заинтересованности понуждение лица к соответствующему волеизъявлению в пользу виновного или третьих лиц», которое, несмотря на свою краткость и даже лапидарность, по их мнению, будет охватывать все случаи вымогательства, в том числе и те, за которые в настоящее время ответственность по ст. 163 УК РФ не наступает. В качестве такого гипотетического примера они приводят возможные противоправные действия акушерки, которая может вымогать деньги или иное имущество у роженицы или ее родственников, угрожая подменой ребенка. Однако привлечь ее к ответственности нельзя ни по ст. 163 УК РФ - вымогательство по причине закрытого перечня вымогательных угроз, содержащегося в этой норме, ни по



ст. 153 УК РФ – подмена ребенка – из-за того, что данный состав – материальный и не учитывает выполнение угрозы подмены в будущем, а запрещение применения норм УК РФ по аналогии является важнейшим принципом российского уголовного права» [14, с. 76].

Можно сформулировать общий вывод, что к недостаткам легального определения вымогательства относится размытость, нечеткость объективной стороны состава преступления, чрезмерная казуальность. В данной связи, необходима его коррекция, добавление Приложения 1 к ст. 163 УК РФ, где было бы описано данное понятие, охватывающее шантаж и иные способы принуждения преступником жертвы к выполнению своих требований.

## **1.2 Характеристика объекта и предмета как составной части категории «вымогательство»**

В уголовно-правовой науке признается объектом преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, собственность, включающую в себя как экономический, так и правовой аспекты. То есть, видовым объектом вымогательства служит собственность как юридическое, так и фактическое обладание имуществом конкретным лицом, обладающим, соответственно, правомочиями по пользованию, владению, распоряжению и исключительным правомочием на передачу этих прав другому лицу.

Как отмечают исследователи, «основной непосредственный объект вымогательства – это имущественные отношения, которые выражаются во взаимосвязи потерпевшего с имуществом, на которое вымогатель распространяет свои незаконные требования. В этом случае, имущественные отношения рассматриваются как объект уголовно-правовой охраны» [24, с. 357]. При этом, вымогательство непосредственно нарушает право распоряжения собственника своим имуществом.

Ряд исследователей выделяет также следующий дополнительный объект вымогательства – «эмоционально-волевая сфера личности потерпевшего,

которая претерпевает вымогательские угрозы, ведущие к эмоциональным переживаниям. Таким образом, оказываются воздействия на волю человека, его вынуждают или стимулируют к определенным действиям. Такое воздействие на волю человека ведет к подчинению вымогателю, когда психическая деятельность потерпевшего влияет на практическую, материальную» [9, с. 289].

Предметом вымогательства может являться имущество, права на имущество либо действия имущественного характера.

Для более точного определения предмета данного преступления, необходимо дать определения понятиям «имущество» и «собственность».

Имущество, это:

- это совокупность имущественных прав и обязанностей, принадлежащих гражданину или юридическому лицу;
- совокупность только имущественных прав;
- вещь или совокупность вещей.

Собственность – «принадлежность вещей, материальных и духовных ценностей определенным лицам, юридическое право на такую принадлежность и экономические отношения между людьми по поводу принадлежности, раздела, передела объектов собственности. Собственность находит свое проявление в отношениях владения, распоряжения, пользования объектами собственности, ответственности за их сохранность и рациональное применение» [47, с. 16].

Предметом вымогательства является имущество, которое для виновного является чужим, то есть, при отсутствии у него права на это имущество.

Так, в Приговоре Раменского городского суда № 1-593/2018 от 21 ноября 2018 г. по делу № 1-593/2018 по п. «а», «в» ч. 2 ст. 166, п. «а», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ, был осужден гражданин Т.Р. Иванов, который совершил неправомерное завладение автомобилем без цели хищения, совершенное группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия не опасного для жизни и здоровья, и с угрозой применения такого насилия. Он же, совершил

вымогательство – требование передачи чужого имущества под угрозой применения насилия, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере. Предметом вымогательства в данном случае являлся автомобиль, принадлежащий потерпевшему [40].

Право на имущество – права собственника или законного владельца имущества, имеющее любую форму внешнего выражения и позволяющую владеть, использовать, и распоряжаться имуществом. При вымогательстве, виновный может требовать передачи одного либо нескольких полномочий, не требуя при этом передачи имущества в собственность [6, с. 286].

Действия имущественного характера включают в себя бесплатное выполнение работ или оказание услуг, которые обычно оплачиваются (услуги ремонта, транспортировки, стройки и т.д.). Кроме того, сюда относятся любые другие действия, которые способны принести вымогателю имущественную выгоду (уничтожение завещания, отказ от наследства, от доли в общей собственности и т.п.) [22, с. 9].

Далее, необходимо рассмотреть объективную сторону данного преступления, которая состоит обязательных и факультативных признаков. Первые присущи всем преступлениям и, учитывая, что вымогательство является формальным составом, то в число обязательных признаков рассматриваемого состава следует отнести общественно-опасное деяние в форме действия или бездействия.

Объективная сторона вымогательства заключается в требовании передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Состав в рассматриваемом преступлении является формальным: преступное деяние закончено после момента предъявления незаконных

требований, которое сопряжено с угрозами в случае невыполнения озвученных требований. Сама передача имущества, либо прав на это имущество может последовать значительно позже, либо не произойти совсем.

Среди способов, путем которых происходит вымогательство, можно выделить следующие действия:

- угроза применения насилия (обещание избить, покалечить, убить как лицо, от которого требуют имущество, право на имущество, так и его близких. Характер угрозы на квалификацию не влияет);
- угроза уничтожения или повреждения чужого имущества (обещание причинить вред имуществу потерпевшего, значимым для него лицам);
- угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. Близкими в данном случае являются как родственники лица, от которого требуют имущество, право на имущество, так и любые иные значимые для него люди [4, с. 3].

Проанализировав ч. 1 ст. 163 УК РФ, можно прийти к выводу, что основными элементами данного преступного деяния, являются два действия – непосредственное предъявление требования и угроза применения соответствующей санкции (при условии отказа от выполнения предъявленных требований).

Предъявление требования, как основной элемент вымогательства, в целом представляет собой какое-либо (устное, письменное, с использованием компьютерных средств, средств аудиовизуальной записи, и т.д.) ультимативное притязание на имущество потерпевшего лица. Предъявление требования всегда должно сопровождаться определенной угрозой. Так, исходя из содержания ч. 1 ст. 163 УК РФ, категория «угроза насилия» подразумевает под собой угрозу совершения абсолютно любой разновидности насилия, которое опасно для жизни и здоровья. Каких-либо дополнительных признаков,

исходя из законодательной конструкции ч. 1 ст. 163 УК РФ, угроза насилием не содержит. Угроза в любом случае должна быть реальной (т.е. фактически осуществимой), а касаясь ее внутренних составляющих элементов, то они достаточно традиционны: угроза применения насилия в отношении потерпевшего или его близких, угроза уничтожения или повреждения чужого имущества, угроза применения насилия в отношении потерпевшего или его близких; угроза уничтожения или повреждения чужого имущества; угроза распространения позорящих сведения о потерпевшем или его близких либо иных сведений, которые могут нанести существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких [12, с. 115].

В отношении первой группы признаков, следует отметить, что она представляет собой вымогательство, которое совершается с применением психического насилия. К данным видам вымогательской угрозы относят: устную угрозу словом (к примеру преступник и потерпевший беседуют, и в процессе данной беседы преступником высказывается та или иная осуществимая угроза).

Зачастую преступники используют специальные технические средства для передачи потерпевшему вымогательской угрозы (телефон, Интернет и т.д.). Не частым, но все же практикуемым является передача вымогательской угрозы посредством специальных средств аудио и видео записи (как показывает практика правоохранительных органов, зачастую данным способом пользуются при похищении людей с целью выкупа – вымогатели заставляют похищенного человека записать видеообращение к своим родным, в тексте которого содержится требование о передаче того или иного имущества).

Похищение практикуется не только в отношении близкого для потерпевшего человека, но и в отношении самого потерпевшего. Так, практика правоохранительных органов встречается со случаями похищения вымогателями потерпевшего, и содержания его в целях устрашения в определенных безлюдных потайных местах, применения к нему физического

насилия и т.д.

Вторая группа признаков представляет собой вымогательские угрозы, направленные на повреждение или уничтожение определенного имущества. Данное имущество может быть вверено на хранение вымогателем самим потерпевшим (ранее), либо вымогатели могут завладеть им в результате иных преступных действий (скажем при совершении кражи, грабежа и т.д.).

Угроза применения насилия представляет собой ситуацию, когда виновное лицо пугает потерпевшего либо его близких причинением физического вреда. Исходя из анализа диспозиции ч. 1 ст. 163 УК, можно понять, что законодатель под угрозой применения насилия понимает угрозу нанесения побоев, причинения любой тяжести вреда здоровью, убийством, а также совершение иных видов насильственных действий.

Третья группа признаков представляет собой вымогательские угрозы, направленные на разглашение какой-либо информации относительно потерпевшего или каких-либо близких лиц для потерпевшего (при условии, что потерпевший не желает, чтобы данная информация была разглашена).

Как правило, вымогательские угрозы адресуются непосредственно потерпевшему, однако в отдельных случаях возможно адресация вымогательских угроз близким лицам потерпевшего, с целью последующей передачи их самому потерпевшему лицу.

Исходя из буквального толкования диспозиции ч. 1 ст. 163 УК РФ, можно сделать вывод, что преступление носит формальный характер: указывается на два необходимых условия объективной стороны преступного вымогательства – вымогательское требование и вымогательская угроза. В диспозиции не закреплено обязательное условие наступления общественно опасных последствий. Таким образом, вымогательство нельзя причислить к материальным составам. Также нельзя отнести вымогательство к преступлениям с усеченным составом, так как для окончания преступления должно быть совершено деяние в виде действия (включающее в себя требование и угрозу).

Можно сформулировать вывод, что основной непосредственный объект вымогательства – это имущественные отношения, которые выражаются во взаимосвязи потерпевшего с имуществом, на которое вымогатель распространяет свои незаконные требования. Выделяется также дополнительный объект вымогательства – эмоционально-волевая сфера личности потерпевшего. Объективная сторона вымогательства состоит из совокупности двух самостоятельных, но взаимосвязанных действий. Первое – это предъявление вымогательского требования, а второе – предъявление вымогательской угрозы.

### **1.3 Субъект и субъективная сторона вымогательства**

Важным элементом состава вымогательства, который необходимо проанализировать, является субъект, под которым понимается физическое лицо, вменяемое и достигшее возраста уголовной ответственности, предусмотренного действующим уголовным законодательством. Значение субъекта преступления состоит в следующем: во-первых, признаки субъекта позволяют отграничить преступное поведение от неприступного, а также одно преступление от другого, во-вторых, позволяет выделять привилегированные и квалифицированные составы, в-третьих, может служить смягчающим или отягчающим обстоятельством.

Признаками субъекта преступления выступают: вменяемость; физическое лицо; достижение возраста уголовной ответственности [31, с. 267].

Первый признак предполагает такое состояние психики, при котором человек в момент совершения общественно опасного деяния может осознавать значение своих действий и руководить ими и потому способен быть ответственным за свои действия.

Согласно второму признаку, субъектом преступления признается только физическое лицо.

Третий признак предполагает достижение ко времени совершения

преступления определенного уголовным законом возраста, который предполагает возможность осознания лицом своих действий. Общий возраст, установленный ч. 1 ст. 20 УК РФ, для наступления ответственности составляет шестнадцать лет.

Существуют категории преступлений с пониженным возрастом, то есть лицо может быть признано субъектом по достижении четырнадцатилетнего возраста, например, тяжкие, особо тяжкие, либо, наоборот, с повышенным. Необходимо отметить, у субъекта должно отсутствовать отставание в психическом развитии, что могло бы препятствовать осознанию лицом фактического характера и общественной опасности совершения своих действий либо руководить ими.

Относительно субъекта состава, предусмотренного ч. 1 ст. 163 УК РФ, необходимо отметить следующие положения. Обращаясь к ст. 20 УК РФ, можно заметить, что в ч. 2 присутствует рассматриваемое преступление, следовательно, возраст наступления уголовной ответственности пониженный, и он равен четырнадцати годам.

Вместе с тем, в силу психологического развития 14-летнего подростка, «им невозможно в полной мере осознание общественной опасности вымогательских действий, в виду чего требование осознания общественной опасности, фактически носит формальный характер и недостижимо по своей сути в большинстве случаев, что в свою очередь, подразумевает привлечение лица достигшего возраста 14 лет к уголовной ответственности на основе объективного вменения» [31, с. 269].

Таким образом, можно прийти к выводу о необходимости повышения возраста уголовной ответственности за вымогательство. Вместе с тем, данный вопрос, безусловно, является дискуссионным.

Субъективная сторона – это психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления, то есть с выполнением объективной стороны.



Рассматриваемый элемент состава имеет свои определенные в уголовном законе признаки.

Центральным элементом признается вина, под которой понимается отрицательное психическое отношение лица к ценностям, указанным в ст. 2 УК РФ, выраженное в совершении умышленного или неосторожного преступления и причинившего этим ценностям существенный вред.

По поводу соотношения субъективной стороны и вины в литературе высказаны различные точки зрения. Одни авторы полагают, что данные понятия полностью совпадают, так как интеллектуально – волевая и эмоционально-мотивационная деятельность совпадают. Другие исследователи указывают, что понятие вины гораздо шире, чем субъективной стороны. Остальные признаки субъективной стороны поглощаются самой виной. Доминирующей в уголовно-правовой науке является точка зрения, согласно которой вина – обязательный признак субъективной стороны, и она не поглощает другие признаки, то есть, факультативные, мотив, цель, эмоции [17, с. 206].

С субъективной стороны, вымогательство совершается только с прямым умыслом. Как утверждают ученые, «в формальных составах преступления исключается вина в форме косвенного умысла или легкомыслия, поскольку, нельзя осознавая противоправный и общественно опасный характер своих действий, не желая их выполнять, или, самонадеянно рассчитывать на их предотвращение, при одновременном выполнении таких действий. Преступления с формальным составом вообще не могут совершаться с косвенным умыслом, он может быть только прямым» [24, с. 357].

С.М. Кененбаев в этой связи отмечает: «При совершении формального преступления умышленно действует тот, кто совершает общественно опасное деяние, сознавая его общественную опасность разграничить прямой и косвенный умысел в этих случаях невозможно» [17, с. 205].

Здесь важен факт сознания лицом фактического состава своих действий и их общественной опасности.

При решении вопроса о содержании умысла виновного, необходимо исходить из совокупности всех обстоятельств преступления, в частности, «учитывать предшествующее поведение виновного, его взаимоотношения с потерпевшим, способы и орудие преступления, причину, по которой виновный прекратил свои действия и его последующее поведение. Помимо прямого и косвенного умысла существуют и иные разновидности видов умысла, прямо не предусмотренные в законе, но имеющие значение для характеристики субъекта уголовного правонарушения» [17, с. 206].

Таким образом, с субъективной стороны вымогательство является преступлением умышленным. При этом, «умыслом субъекта охватывается:

- содержание вымогательского требования и то, что его удовлетворение будет безвозмездным;
- отсутствие прав на предмет преступления, то есть противоправность вымогательства;
- осуществление воздействия на психику либо на телесную неприкосновенность или здоровье потерпевшего и содержание угрозы;
- то, каким путем выражается принуждение, соединенное с угрозой, факт доведения их до сведения потерпевшего;
- восприятие потерпевшим угрозы как реально осуществимой» [27, с. 482].

Тем самым, лицо сознает, что предъявляет незаконное требование, соединенное с угрозой, и желает таким образом добиться своей цели. Волевой критерий характеризует те психические проявления, которые направляют поведение человека, регулируют выбор (желает наступления общественно опасного последствия, либо не желает, но сознательно допускает наступление этого последствия, либо относится к ним безразлично).

Наличие умысла означает, что лицо осознает, что совершает деяние (действие или бездействие), запрещенное законом, предвидит возможность или неизбежность наступления последствий и желает (при прямом умысле)

либо сознательно допускает наступление этих последствий или безразлично относится к ним (при косвенном умысле) [17, с. 206].

При рассмотрении субъективных признаков состава вымогательства, следует отметить специальную цель его совершения – это корысть. О корыстном характере цели вымогательства свидетельствует наличие в составе данного преступления «требования передачи чужого имущества». [17, с. 206].

Присутствие корыстной цели не предполагает обязательное присутствие корыстного мотива. Возможны месть, зависть, ненависть, чувство ложно понятого долга и товарищества, альтруистические мотивы (например, вымогательство средств на содержание ребенка) [17, с. 208].

Таким образом, можно сформулировать общий вывод, что субъективная сторона вымогательства предполагает прямой умысел. Виновный осознает, что под угрозой требует передачи чужого имущества, права на него или совершения действий имущественного характера, и желает принудить потерпевшего к выполнению его требований. При этом он преследует корыстные мотивы и цели. Субъект вымогательства - физическое, вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

## **Глава 2 Квалифицированные составы вымогательства**

### **2.1 Квалифицирующие признаки вымогательства**

Статья 163 УК РФ предусматривает в вымогательстве следующие квалифицирующие признаки во второй части:

- п. «а»: группой лиц по предварительному сговору;
- п. «в»: с применением насилия;
- п. «г»: в крупном размере.

Вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ) означает, что перед преступным деянием некоторое количество лиц (два и более) заранее оговорили предстоящее преступление, обсудили мотивы и определили роли. Субъекты, которые выступают в роли подстрекателя, организатора или пособника, не принимающие прямого участия в совершении преступного деяния, то есть вымогательства, не составляют группу, вследствие чего, их действия квалифицируются в соответствии со ст. 33 УК РФ.

Совместность, оговариваемая для группового вымогательства, означает «взаимную обусловленность действий соучастников, когда каждый член преступной группы выполняет свою часть единого преступления, обеспечивает внесение своего вклада в достижение преступного результата, увязывает свои действия, координирует их с действиями других участников преступления» [13, с. 24].

Так, например, Фадеев предложил Байрамову совместно вымогать у Кудрявцева А.Ю. принадлежащие ему денежные средства под надуманным предлогом – якобы за оказание помощи в оформлении кредита, Байрамов согласился и они вступили между собой в предварительный преступный сговор. Реализуя свой преступный умысел, Фадеев и Байрамов отвезли потерпевшего в лес, Фадеев удерживал Кудрявцева, а Байрамов произвел два выстрела в землю рядом с потерпевшим из травматического пистолета и при

этом они оба высказывали угрозу применения насилия, если потерпевший не передаст им денежные средства [43]. В данном случае, о наличии предварительного сговора свидетельствует согласованный характер совместных действий Фадеева и Байрамова в целях завладения имуществом потерпевшего.

Группу лиц по предварительному сговору, следует признать таковой и в случае стихийного создания, без четкого планирования деталей преступления и конкретизации ролей соучастников. Однако, как отмечается исследователями, «в содержание предварительного сговора на совершение вымогательства должно входить осознание совместного участия. Осознание обстоятельств времени, места, способа, орудия и средств совершения преступления может как входить в содержание сговора, так и определяться его участниками в зависимости от обстоятельств совершенного преступления уже в процессе совершения» [2, с. 373].

В п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ закреплён следующий особо квалифицирующий признак – вымогательство, совершенное в составе организованной группы. Организованная группа считается особо квалифицирующим признаком вымогательства, в связи с тем, что такое объединение несет в себе повышенную опасность. Повышенная общественная опасность в данном случае заключается в иерархии такого объединения, значительных ресурсах, как человеческих, так и финансовых, а также планировании и тщательной подготовке преступлений, что затрудняет поиск улик, а, следовательно, и расследование преступления. Объединение в устойчивую группу возможно и перед совершением первого преступления.

При этом, «совершению вымогательства организованной группой, как правило, предшествует четкое и согласованное распределение ролей между ее членами. В отличие от этого, группа с предварительным сговором может состоять не только из лиц, между которыми в процессе предварительного сговора были распределены роли, но и из лиц, непосредственно принимающих участие в совершении преступления – выполнении его объективной стороны»

[21, с. 129].

Хоть исполнитель может быть и один, но у него всегда имеется поддержка, он имеет план действий. Таким образом, организованная группа как институт соучастия для вымогательства представляет опасность: во-первых, из-за того, что входящие в организованную группу лица имеют высокую степень организованности: имеют четкий план действий (знают, у кого будут вымогать; предполагают, что будут вымогать; знают, где и при каких обстоятельствах будет совершаться вымогательство и т.д.), собираются совершать, как правило, не одно вымогательство (либо одно, но продолжаемое, направленное на достижение определенно обозначенной цели), имеют, зачастую, строгую структуру и иерархию. Во-вторых, имеется четко определенный костяк группы: известны роли в преступлении (преступлениях), могут оказывать поддержку друг другу в совершении вымогательства. Могут поочередно оказывать различное воздействие на потерпевшего для реализации цели вымогательства. Также, заранее продумывают методы и способы взаимодействия между участниками организованной группы. В-третьих, особенности определения объекта вымогательства, поиску информации о материальном и имущественном состоянии жертвы вымогательства. Нередки случаи, что в организованную группу входили лица, занимающие определенные государственные должности (либо должности в юридическом лице), которые имели какие-либо претензии к жертве вымогательства, либо желавшие незаконным путем повысить свое финансовое состояние. В-четвертых, несмотря на то, что, практически, невозможно совершить два одинаковых вымогательства, преступники, входящие в организованную группу, заранее продумывают несколько вариантов поведения, действуют по предпочтительной схеме вымогательства. Члены, входящие в организованную группу, стремятся обезопасить себя, не совершать ошибок.

Необходимо сказать, что из-за конструкции состава вымогательства, можно говорить о групповом вымогательстве в случае, когда одно из лиц,

входящих в предполагаемую группу, фактически имеет в преступном посягательстве все признаки объективной стороны, а другие лица фактически только присутствовали на месте преступления для оказания психологического воздействия на жертву.

Например, как вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, квалифицированы действия Салаватова Р.С. и Афонаина С.В. Малоархангельским районным судом. Согласно установленным в судебном заседании доказательствам, Афонин С.С. вступил в предварительный сговор с Салаватовым Р.С. и действуя с последним совместно и согласованно, в то время когда Салаватов Р.С. предъявил М.А.В. незаконное требование передачи денежных средств рублей и в подтверждение своих требований высказал угрозы применения насилия к потерпевшему, указав, что заберет его автомобиль или уничтожит его путем сожжения, либо дом, принадлежащий на праве собственности М.В.И. Салаватов Р.С., имея умысел на уничтожение имущества, принадлежащего М.В.И., за отказ М.А.В. добровольно подчиниться незаконным требованиям передачи денежных средств, прибыл к дому, где используя посторонний предмет, разбил четыре стеклопакета, установленные в оконных блоках дома по указанному адресу, следствием чего стала невозможность их восстановления. В результате действий Салаватова Р.С. были уничтожены, принадлежащие М.В.И. четыре стеклопакета, что повлекло причинение потерпевшей значительного ущерба. Таким образом, действия Салаватова Р.С. были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 163, ч. 1 ст. 167 УК РФ, а действия Афонаина С.В. – по п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ [39].

Для повышения эффективности и конструктивности уголовного законодательства нецелесообразно предусматривать организованную группу как разновидность соучастия. Соучастие существует в форме преступной группы, а в случае наличия признаков структурированности (иерархичности) и специальной цели создания – занятие преступной деятельностью – следует признавать соучастие в форме преступной организации.

Любую преступную группу обоснованно относят к определенной разновидности малых социальных (асоциальных) групп, что позволяет рассматривать их не простой «механической» совокупностью некоторого числа индивидов, которые совместно совершают преступления, а единым субъектом криминальной деятельности, у которого появляются новые, не свойственные отдельным преступникам качества, стремления, цели, возможности и т.д.

В таких группах происходит объединение индивидуальных способностей, общих и специальных знаний, умений, преступного опыта, профессиональных навыков и тому подобное.

Независимо от особенностей отдельных видов групповых преступлений и самих групп, их участники используют более продуманные, подготовленные и опасные способы совершения и сокрытия общего преступления, коллективно выбирают готовят соответствующую благоприятную для преступной деятельности обстановку.

Кроме того, в преступную деятельность одновременно вовлекается несколько человек, что представляет собой определенную специфику механизма совершения преступления и другим составляющим криминальной деятельности, а также влечет за собой, как правило, наступление более тяжких последствий.

Действия вымогателей, совершенные в составе организованной группы, следует квалифицировать, как действия соисполнителей, независимо от исполняемых их ролей и без ссылки на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Так, например, Парфенов предложил объединиться в организованную группу Р. и В. под его руководством, для совершения вымогательства денежных средств у потерпевшего У. и членов ее семьи. Парфенов в целях обеспечения организованной и целенаправленной преступной деятельности, разработал основные принципы, стратегию и тактику деятельности группы, а также определил цели и задачи участников, распределил между ними роли. Данной организованной группой было совершено около десяти вымогательств. Суд



квалифицировал действия каждого из участников группы по п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ, как вымогательство совершенное организованной группой [44].

Пункт «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ «с применением насилия» включает в себя причинение легкого или среднего вреда здоровью, то есть физическое воздействие на потерпевшего.

Данный пункт квалификации вымогательства носит оценочный характер, так как содержание термина «применение насилия» не раскрывается в уголовном законе. Вследствие того, что пока не существует общепризнанного понимания термина «насилие», нельзя говорить об устоявшемся понимании категории «насилия» в практической деятельности правоприменителя. Благодаря разъяснениям Верховного суда РФ, в российской уголовно-правовой сфере сложилась единая практика по поводу не опасного и опасного насилия для жизни или здоровья. Однако, ввиду отсутствия подобных разъяснений для формулировки «с применением насилия», российский правоприменитель исходит из определенной аналогии с сложившейся позицией.

В уголовно-правовой науке принято разделять насилие на два вида: психическое и физическое.

Наказание за психическое насилие предусмотрено в ч. 1 ст. 163 УК РФ.

Физическое насилие направлено на подавление воли человека. Оно причиняет физические страдания, боль, нарушает телесную неприкосновенность человека. Можно отметить, что применение физического насилия значительно повышает общественную опасность совершаемого противоправного деяния.

Достаточно дискуссионным является вопрос о том, какие разновидности вреда здоровья входят в конструкцию вымогательства, совершенного с применением насилия. Следует признать, что в ст. 161 – грабеж и в ст. 162 УК РФ – разбой, законодатель подошел к проблеме разграничения насилия более дифференцированно: ответственность установлена за четко определенные виды насилия. В перечисленных выше двух преступлениях переход от одного

«уровня» насилия (вида) к другому происходит постепенно. Например, ч. 1 ст. 161 УК РФ в своей объективной стороне не предусматривает какого-либо вида насилия, а в п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ есть указание на применение насилия, не опасного для жизни или здоровья. Часть 1 ст. 162 УК РФ устанавливает ответственность за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, а п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ – наказание за разбой с причинением с тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Перечисленные выше два примера соответствует логики установления ответственности отдельно за каждый вид насилия. Но в норме про вымогательство ответственность строится на ином признаке. В ч. 1 ст. 163 УК РФ в объективной стороне отсутствует такой признак, как насилие в любом его виде. Зато, в п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ установлена ответственность за вымогательство с применением насилия. Что же касается насилия, опасного для жизни или здоровья, то оно оказалось ограничено, т.е. исходя из анализа ст. 163 УК РФ, в п. «в» ч. 2 этой статьи из опасного насилия входит все, кроме тяжкого вреда здоровью.

Насилие может выражаться в побоях, причинении легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, пытках, истязании, ограничении свободы, связывании.

Так, в Приговоре Ленинского районного суда г. Тюмени № 1-642/2017 от 11 октября 2017 г по ч. 2 ст. 163 УК РФ по делу о вымогательстве с подсудимыми Баватдиновым Ю.Н., Талиповым Д.Е., Шаяхметовым Р.Р. были установлены следующие обстоятельства: подсудимый Баватдинов совершал вымогательства по отношению к потерпевшему три раза. Первый раз он самостоятельно подошел к потерпевшему и угрожая, применить насилие, получил от последнего деньги, во второй раз Баватдинов и Талипов предварительно договорились о вымогательстве и распределении ролей в будущем преступлении по отношению к потерпевшему. В третий раз, подсудимый договорился с Шаяхметовым, о том, что последний возьмет деньги у потерпевшего и передаст их Баватдинову. О наличие умысла на совершение вымогательства под угрозой применения насилия, а также с

применением насилия, свидетельствует выдвижение ими к потерпевшему требований о передаче им денежных средств, как под угрозой расправы над последним, которая воспринималась реально, так и путем непосредственного применения насилия, выразившегося в нанесении последнему удара [38].

Необходимо обратить внимание на то, какие общественные отношения страдают при совершении вымогательства с применением насилия. Как уже указывалось выше, основным непосредственным объектом при совершении вымогательства является отношения собственности, а также интересы, обеспечиваемые обязательственным правом. Но также при вымогательстве, соединенном с применением насилия (п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ) страдает и дополнительный непосредственный объект в виде физической неприкосновенности и здоровья человека, т.е. нормальное существование человеческого организма (его жизнедеятельность), при котором на него не производится физическое воздействие другими лицами, в том числе воздействие, причиняющее вред функциям организма и тканям человека. Следовательно, сосуществование вымогательства с применением насилия указанным выше объектам значительно увеличивает общественную опасность преступного деяния, показывая квалифицирующую характеристику применения насилия в составе вымогательства.

В российской уголовно-правовой науке имеются предложения изменить действующую редакцию состава насилия при вымогательстве. Ряд исследователей предлагает исключить такой квалифицирующий признак, как «с применением насилия». Вместо этого, предлагается конкретизировать применяемую форму насилия в ч. 3 и ч. 4 предлагаемой редакции статьи «Вымогательство» [26, с. 376]. Другие исследователи предлагают дополнить насилие при вымогательстве словами «в том числе эмоционального», что, по мнению автора, позволит расширить рассматриваемую категорию за счет отражения этого социально значимого явления [30, с. 44]. Вместе с тем, это будет излишне, так как под насилием принято понимать общественно опасное противоправное воздействие на организм и психику человека против

и помимо его воли, следовательно, «эмоциональный» аспект находит свое отражение в психическом воздействии, которое уже имеет место в норме про вымогательство.

Можно сделать вывод, что признак насилия в УК РФ в общем, как и в вымогательстве в частности, и его производные очень многообразны. Данное положение нельзя отметить как позитивное, из-за того, что нарушается единообразие понимания такого признака как насилие. Решение вышеуказанной проблемы видится в приведении к единству законодателем понятия и содержания насилия, также, необходимо конкретизировать последствия, которые будут свидетельствовать о насилии.

В п. «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ добавлен квалифицирующий признак «в крупном размере». Крупным размером в российском законодательстве признается сумма от 250000 рублей согласно п. 4 ст. 158 УК РФ.

Следует иметь ввиду, что, если имелось несколько эпизодов вымогательства, обособленных друг от друга по месту совершения деяний, суммировать ущерб не допускается. Исключением, является совершение вымогательства в нескольких эпизодах, при этом они должны все охватываться единым умыслом.

Состав вымогательства является формальным и реальное получение имущества, для того чтобы преступление было оконченным не требуется.

Ряд исследователей придерживается позиции, что данный признак необходимо вменять не только тогда, когда вымогатель предъявляет требование передать имущество в крупном размере, но и в тех ситуациях, когда требование направлено на передачу права на имущество в крупных размерах [47, с. 15].

Вместе с тем, на практике возникают проблемы. Так, для вменения рассматриваемого признака необходимо доказать передачу имущества в крупном размере, в то время, как для квалификации вымогательства в соответствии с п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ достаточно установить цель получения имущества в особо крупном размере. Как отмечают исследователи,

«при отсутствии в статье указания на цель, органам предварительного расследования приходится доказывать не только факт вымогательства имущества в крупном размере, но и факт получения чужого имущества в крупном размере» [5, с. 26].

Так, например, Дудина, реализуя свой преступный умысел, направленный на вымогательство в крупном размере, руководствуясь корыстными побуждениями, решила совершить в отношении потерпевшей вымогательство под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшую. Дудина разработала план совершения преступления, согласно которому она систематически осуществляла звонки и отправляла сообщения. потерпевшей, предъявляя ей угрозы распространения сведений и тем самым оказывая ей психологическое давление с целью получения денежных средств. Постепенно потерпевшая перевела Дудиной денежные средства на общую сумму 281 400 рублей, что подтверждается выписками с банковского счета. Преступные действия Дудиной следует квалифицировать, по п. «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ, как вымогательство, совершенное в крупном размере [41].

Цель получения имущества в особо крупном размере является особо квалифицирующим признаком в п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ. Сказанное означает, что поскольку вымогательство признается оконченным преступлением с момента предъявления требования передачи чужого имущества или права на имущество либо совершения других действий имущественного характера, подкрепленных угрозой, то по этому квалифицирующему признаку не обязательно устанавливать, чтобы имущественная выгода была реально извлечена виновным в особо крупном размере. Достижение такой цели находится за рамками состава преступления, поэтому может быть только обстоятельством, отягчающим наказание и влияющим на его назначение.

Приведем пример из судебной практики. Красносельский районный суд осудил Киселева СЕ, который из корыстных побуждений, в целях получения наживы, находясь в Красносельском районе Санкт-Петербурга, на персональном компьютере составил и распечатал на принтере адресованное

директору Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Царское Село» Т.О.В. письмо, в котором высказал угрозу направления в различные правоохранительные, контролирующие и надзирающие органы, а также в средства массовой информации писем, содержащих заведомо для него недостоверные сведения об экономических нарушениях со стороны Т.О.В. Позднее Киселев С.Е. потребовал передачи денег при следующей встрече в помещении любого кафе по усмотрению потерпевшей и, таким образом, устно выдвинул требование передачи денежных средств в сумме 5000000 рублей под угрозой распространения заведомо недостоверных сведений, позорящих Т.О.В. и способных нанести существенный вред ее деловой репутации, намереваясь, таким образом, получить денежные средства в особо крупном размере, но в ходе дальнейшей беседы по просьбе Т.О.В. и М.О.И. снизил требуемую сумму до 4000000 рублей, что также является особо крупным размером. Таким образом, Киселев изначально имел цель получить имущество в особо крупном размере, тем самым совершил преступление, предусмотренное п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ [42].

Вымогательство, совершенное в крупном размере, имеет место, как в случае требования передать за один раз всю сумму, так и в случае требования передать сумму (имущество) за несколько раз. В п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ регламентирована ответственность за вымогательство с причинением тяжкого вреда здоровью. Этот признак может быть вменен только при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью. Квалификация по совокупности по ст. 111 УК РФ в этом случае не требуется, как говорится в ст. 9 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве».

В случае, если при вымогательстве было применено насилие, которое впоследствии привело к причинению тяжкого вреда здоровью, действия квалифицируются по п. 3 ст. 163 УК РФ.

В некоторых случаях, преступник не планирует причинять тяжкий вред здоровью, но вследствие стечения негативных или иных обстоятельств, вред причиняется потерпевшему, в результате которого наступают тяжелые последствия. Как в большинстве случаев судебной практики, желание наступления тяжелых последствий нельзя вменять преступнику. Деяние считается совершенным по небрежности тогда, когда гражданин даже не догадывался, что его действия приведут к вреду здоровью, хотя должен был проявить внимательность и не допустить урона.

В уголовном праве, «причинение тяжкого вреда здоровью трактуется как последствия, причиненные потерпевшему в результате применения насилия в отношении него. Причинение тяжкого вреда здоровью будет считаться лишь в том случае, когда вред был причинен реально. Если со стороны преступника были лишь угрозы, данное действие следует квалифицировать как покушение» [16, с. 298]. В доктрине уголовного права было высказано мнение, что «причинение тяжкого вреда здоровью при квалифицирующих признаках наказуемо не менее строго, чем квалифицированные виды вымогательства» [8, с. 209]. Правоприменительная практика показывает ряд проблем квалификации по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ. Для устранения обозначенных проблем, предлагается изложить п. «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ в следующей редакции: вымогательство совершенное «в целях получения имущества или приобретения имущественных выгод в крупном размере». Данные изменения будут способствовать справедливому назначению наказания, в соответствии с тяжестью совершенного деяния и степенью общественной опасности.

## **2.2 Разграничение вымогательства со смежными составами**

Разграничение вымогательства со смежными составами целесообразно начать с анализа вопросов его отграничения насильственных хищений.

Выступая преступлением, посягающим на собственность, вымогательство родственно хищениям, вместе с тем, к таковым не относится,

и представляет собой особую форму уголовно-наказуемых действий против указанного блага (собственности). Соответственно, необходимо уяснить, по каким именно критериям преступление, предусмотренное ст. 163 УК, следует отграничивать от хищений.

В первую очередь, следует отметить, что одно из различий вымогательства и хищений заключается в том, что возможный предмет вымогательства несколько шире предмета хищения.

Так, к иным действиям имущественного характера при вымогательстве относятся действия, не связанные непосредственно с переходом права собственности или других вещных прав (в частности, производство работ или оказание услуг, являющихся возмездными в обычных условиях гражданского оборота; исполнение потерпевшим за виновного обязательств. Очевидно, что предметом хищения такие действия выступать не могут, нельзя, например, «похитить оказание услуги» – такая конструкция не имеет правового смысла с точки зрения уголовного и гражданского законодательства.

При этом, виновный может вынудить потерпевшего выполнить такие услуги под угрозой насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространения порочащих сведений, что и квалифицируется как вымогательство. Здесь одновременно возникает вопрос об обоснованности отнесения таких преступлений к уголовным деликтам против собственности – можно смоделировать условный пример, когда виновный, угрожая насилием, распространением негативных сведений и др., требует от программиста создать определенное программное обеспечение, оформить Интернет-сайт и т.д.

В данном случае специально упомянута услуга с «нулевой» себестоимостью, поскольку ее выполнение фактически требует от потерпевшего лишь временных затрат, но не материальных. И возникает вопрос – какой именно вред такое преступление наносит имущественным интересам потерпевшего, если для выполнения требования виновного ему «всего лишь» пришлось провести несколько часов у компьютера?



Представляется, что в данном случае необходимо руководствоваться конструкцией, предложенной в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 56: «оказание услуг, являющихся возмездными в обычных условиях гражданского оборота», и при совершении указанного преступления имущественные интересы потерпевшего страдают вследствие недополученных доходов (т.е. речь идет об институте упущенной выгоды), которые при обычных условиях были бы получены.

Соответственно, даже при фактическом отсутствии какого-либо прямого имущественного убытка вымогательство посягает на отношения собственности через призму упускаемой потерпевшим выгоды.

Вместе с тем, отличие в предмете преступления является скорее теоретическим, чем практическим – в случае, если целью вымогателя выступало оказание потерпевшим услуги, отсутствие признаков хищения очевидно априори.

Сложности при квалификации содеянного могут возникать тогда, когда возникает необходимость отграничить вымогательство от насильственного грабежа или разбоя, если в ходе совершения последних виновный высказывает требование о передаче имущества, сопровождая его угрозой.

При разбое и грабеже, «насилие принимает форму физического насилия и угрозы физического насилия. Два типа насилия одинаковы, поэтому здесь следует использовать следующее различие:

- требование (сопровождается угрозой);
- фактическая передача имущества, выполнение требований правонарушителя (если предполагается, что имущество будет получено в будущем, то это основание для квалификации деяния как вымогательства, а если требования должны быть выполнены немедленно, - то это разбой или грабеж)» [7, с. 108].

Угроза при вымогательстве имеет ряд отличий от разбоя и грабежа. Основные из них – это «характер благ, которые находится под угрозой (не только жизнь и здоровье, но и различные материальные ценности,

представляющие для человека ценность), адресат угрозы (жертва или его родственники), время осуществления угрозы (если предмет вымогательства – собственность, то угроза не должна носить прямой характер, как при грабеже и разбое, и должна быть адресована на будущее)» [30, с. 46]. Например, когда преступник угрожает жертве ножом и требует отдать ему деньги в конкретный момент времени (к примеру, в лифте, но не получив денег, выходит из него, и преступление закончено с момента нападения) – это разбой, а если преступник угрожает жертве на протяжении какого-либо конкретного времени – это вымогательство. По критерию времени осуществления угрозы вымогательство существенно отличается от грабежа. Если во время грабежа насилие происходит практически одновременно с завладением имущества, то во время вымогательства насилие и фактический захват имущества имеют временной промежуток. Преступный умысел вымогателя состоит в том, чтобы захватить собственность в будущем [28, с. 101].

Например, в Приговоре Кировского районного суда города Томска, обвиняемый Петров, житель г. Томска, «зная, что у его знакомой гражданки Сидоровой, 70 лет, имеется земельный участок у моря в г. Ялта, воспользовался тем, что последняя находится в преклонном возрасте и проживает одна, неоднократно угрожал ей физической расправой и требовал передать ей права на данный земельный участок. В один из дней придя к потерпевшей домой, нанес ей несколько ударов в область живота, причинив тяжкий вред здоровью в результате чего Сидоровой была сделана операция по удалению селезенки. Своими умышленными действиями Петров совершил преступление, предусмотренное п.п. б, в ч. 3 ст. 163 УК РФ» [37].

Угроза насилия при грабеже служит средством захвата имущества, а когда имеет место быть вымогательство, то она используется как средство принуждения жертвы к внешне добровольной передаче имущества исполнителю [30, с. 47].

Таким образом, при наличии угрозы насилия, главным отличием вымогательства от грабежа и разбоя является то, что при вымогательстве

угроза может быть растянута во времени, а при грабеже и разбое – непосредственно в процессе преступления. Следует также различать вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 163 УК РФ) и совершенное организованной группой (ч. 3 ст. 163 УК РФ).

При этом, далеко не все исследователи согласны с тем, что отграничение вымогательства от насильственных хищений следует производить на основе временного фактора, и полагают, что значение имеет лишь один критерий – процедура изъятия имущества. Однако, такой подход представляется ошибочным, поскольку, например, если виновный, направив на потерпевшего огнестрельное оружие, требует незамедлительно передать ему находящееся у потерпевшего при себе имущество, и такое требование выполняется, передача имущества также осуществляется жертвой собственноручно, с пороком воли. При этом, содеянное необходимо квалифицировать не как разбой, а как вымогательство. По ст. 163 УК РФ деяние следовало бы квалифицировать в том случае, если бы при указанных обстоятельствах виновный потребовал у потерпевшего передать определенное имущество, например, на следующий день.

Если обратиться к материалам судебной практики то, например, Выборгским районным судом г. Санкт-Петербурга С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ. Судом установлено, что около 07 часов 18 декабря 2019 года, С., находясь в поселке Парголово Санкт-Петербурга, имея умысел на вымогательство денежных средств у П. под угрозой применения насилия, с применением насилия, выдвинул последней требование о передаче денежных средств в размере 1000 рублей на проезд и приобретение алкогольной продукции, сообщив, что он (С.) избьет ее, то есть угрожая применением насилия. После чего, в связи с отказом П. в передаче денежных средств, с целью подавления воли П. схватил ее за руку, толкнул не менее одного раза, причинив П. физическую боль, то есть применил насилие. Не получив желаемого, с места преступления скрылся [35].

Следует отметить, что по описанию данное преступление достаточно схоже с разбоем или грабежом, и отличает его, помимо прочего, что при вымогательстве речь идет об имуществе, которого, возможно, у потерпевшего при себе в момент заявления требования, и не имеется. Иными словами, грабеж и разбой направлены на завладение имуществом, которое в наличии у потерпевшего при себе в данный конкретный момент, при вымогательстве же требуемого имущества у потерпевшего в наличный момент может и не быть. Таким образом, важнейшим критерием, позволяющим отграничить вымогательство от насильственного хищения, выступает временной разрыв между высказыванием требования (о передаче имущества) и моментом, в который по «условиям» виновного это требование должно быть исполнено. И здесь значимо не только и даже не столько количество времени (час, день, неделя и т.д.), сколько то, имел ли возможность потерпевший после высказывания угрозы предпринять меры для защиты своих имущественных прав (например, обратиться в правоохранительные органы), или же вплоть до момента передачи имущества угроза была наличной и неустранимой. В первом случае речь идет именно о вымогательстве, во втором – о насильственном хищении.

Как правило, в большинстве случаев при вымогательстве умышленно виновного момент применения насилия и получения имущества относятся к будущему времени, тогда как при грабеже и разбое, потерпевший «вынужден» практически тотчас отдать имущество. Для примера необходимо привести следующее дело из судебной практики:

Станкевичуте Р.И., представляясь именем «Михаил», вступил в диалог с ФИО1, использовавшим абонентский номер, в ходе которого, 7 марта 2019 года в период времени с 14 часов 40 минут до 20 часов 40 минут, высказывая угрозу применения в отношении ФИО 1 насилия, в ходе переписки путем отправки смс-сообщений, высказал последнему незаконное требование о передаче ему денежных средств в размере 10 000 рублей. Угрозу применения насилия, высказанную Станкевичуте Р. И. от имени «Михаила», ФИО 1

воспринял реально, так как «Михаил», в роли которого выступал Станкевичуте Р.И., мог реально осуществить высказанную им угрозу физической расправой. Ввиду отсутствия вышеуказанной суммы денег у ФИО1, Станкевичуте Р.И. от имени «Михаила» незаконно потребовал у последнего найти ее в ближайшее время, при этом указывая сроки передачи денежных средств, а именно до 22 часов 00 минут 07 марта 2019 года, при этом также высказывая угрозу применения в отношении ФИО1 насилия. Находясь в подавленном психологическом состоянии, с учетом сложившейся обстановки, ФИО 1 был вынужден согласиться с предъявленным ему незаконным требованием, но ввиду отсутствия в наличии вышеуказанной суммы денежных средств, он перенес передачу денег на 08 марта 2019 года, с чем Станкевичуте Р.И., выступающий от имени «Михаила», был согласен.

Затем, 08 марта 2019 года в период времени с 12 часов 30 минут до 18 часов 20 минут, Станкевичуте Р.И. от имени «Михаила», со своего вышеуказанного мобильного телефона с абонентским номером, в ходе переписки, путем отправки смс-сообщений ФИО1, повторно высказывал в адрес потерпевшего незаконные требования о передаче ему денежных средств в размере 10 000 рублей, указывая сроки их передачи в течение текущего дня, то есть 08 марта 2019 года, при этом, высказывая угрозу применения в отношении ФИО1 насилия. Угрозу применения насилия, высказанную Станкевичуте Р.И. от имени «Михаила», ФИО1 воспринял реально, так как «Михаил», в роли которого выступал Станкевичуте Р.И., мог реально осуществить высказанную им угрозу физической расправы. После чего Станкевичуте Р.И., действуя от имени «Михаила», договорился встретиться с ФИО1 на следующий день, то есть 09 марта 2019 года в 13 часов 00 минут на рынке «Шуист, где последний должен был передать ему денежные средства в размере 10000 рублей для «Михаила», в роли которого выступал сам Станкевичуте Р.И. После чего 09 марта 2019 года не позднее 13 часов 00 минут, Станкевичуте Р.И. прибыл на рынок «Шуист», расположенный по вышеуказанному адресу, где на втором этаже рынка «Шуист» встретился с

ФИ01 для получения от последнего денежных средств в пользу «Михаила», в роли которого выступал Станкевичуте Р.И., однако в 13 часов 00 минут в ходе проведенного оперативно-розыскного мероприятия «Наблюдение» Станкевичуте Р.И. был задержан сотрудниками УМВД России по г. Пензе [39].

Можно привести пример из судебной практики, когда у потерпевшего имущество изымалось непосредственно самим виновным лицом. Так, 4 апреля 2018 г. под угрозой применения физического насилия Тхамоков Р.А. потребовал у Б. (потерпевшего) передать сотовый телефон марки Apple iPhone стоимостью 18990 рублей, и упаковочную коробку от него, после чего самостоятельно изъяс у Б. указанный телефон, Б. передал ему коробку. 5 апреля 2018 г. указал Б. передать ему 7000 рублей, взамен чего он вернет сотовый телефон и коробку от него. Вышеприведенный пример невозможно квалифицировать как грабеж или разбой, так как потерпевший безмолвствовал, здесь нет нападения, Поэтому, нельзя утверждать, что факт передачи имущества самими потерпевшим является одним из главных критериев разграничения вымогательства от разбоя и грабежа.

Можно отметить, что поиск наиболее удачного разрешения названной квалификационной проблемы до настоящего времени не завершен. Ее устранению может способствовать составление алгоритма квалификации деяния, содержащего признаки рассматриваемых составов преступлений. Представляется, что этот алгоритм должен функционировать посредством последовательной оценки критериев разграничения и определения наличия либо отсутствия в фактически совершенном деянии того или иного признака одного из смежных составов преступлений.

Анализ признаков разграничиваемых составов преступлений позволяет выделить следующие критерии разграничения:

- имущество и права, на получение которых направлен умысел лица, совершающего деяние, а также действия имущественного характера, совершения которых добивается это лицо;

- форма внешнего проявления и цель реализации преступного действия;
- характер применяемого при преступном действии насилия, его интенсивность и последствия;
- направленность умысла лица, совершающего деяние, на завладение имуществом или приобретение имущественной выгоды, во временном контексте [23, с. 25].

Представленный порядок оценки позволяет наиболее оптимальным образом прийти к выводу о наличии либо отсутствии в деянии одного из разграничиваемых составов преступлений.

Среди имущества и прав, на получение которых направлен умысел лица, совершающего деяние, а также действий имущественного характера, совершения которых добивается это лицо, надлежит выделить следующие: имущество потерпевшего, признаваемое доктриной и практикой, имеющим определенную хозяйственную ценность, предметом материального мира, созданным человеческим трудом, не изъятым из гражданского оборота, и не принадлежащим виновному на каком-либо праве. Данный предмет преступления может иметь место в любом из ранее названных составов преступлений.

В контексте насильственных форм проявления рассматриваемых составов преступлений, можно констатировать, что им всем присуще проявление агрессивно-насильственного воздействия на владельца имущества. Однако при вымогательстве оно обязательно должно быть сопряжено с предшествующим либо последующим требованием передачи потерпевшим своей имущественной выгоды.

Для оценки и последующего разграничения ранее указанного критерия, таким образом, целесообразно выделить следующие признаки:

- характерное для разбоя или насильственного грабежа агрессивно-насильственное воздействие на владельца имущества для облегчения процесса изъятия и удержания имущества;

- характерное для вымогательства агрессивно-насильственное воздействие, сопряженное с предшествующим либо последующим требованием передачи потерпевшим своей имущественной выгоды [19, с. 159].

Анализируя форму внешнего проявления вымогательства, отдельно нужно отметить, что формулировка диспозиции ч. 1 ст. 163 УК РФ не позволяет сделать однозначный вывод о круге лиц, расправой над которыми может угрожать вымогатель. Ее буквальное толкование и обращение к правилам грамматики позволяет отнести упоминаемых в диспозиции «потерпевшего или его близких» только к угрозе распространения позорящих или иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред правам и законным интересам. В свою очередь, ряд исследователей, рассматривая объективную сторону вымогательства, необоснованно сужает круг лиц, расправой над которыми может угрожать вымогатель, относя к их числу только самого потерпевшего и его близких. Представляется, что это недопустимо по следующим соображениям. Вымогатель, реализуя свой преступный умысел на завладение имуществом другого лица, может угрожать, например, расправой над незнакомыми потерпевшему лицами, в то время как общественная опасность совершаемого вымогателем деяния не изменится. Предлагаемый многими юристами вариант толкования диспозиции вымогательства исключает возможность квалификации в качестве вымогательства, например, требования, подкрепленного применением насилия к ребенку, который близким потерпевшему не приходится.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснений по этому поводу не дает, ограничиваясь лишь раскрытием применяемого в диспозиции анализируемого состава термина «угроза применения насилия». Данная проблема требует соответствующего разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, а в идеале, – совершенствования нормативной формулировки вымогательства для однозначного ее понимания и единообразного применения.



Значительное число квалификационных ошибок при оценке указанных выше деяний, сходства и сопоставимость большинства признаков их составов, неоднозначность их понимания, свидетельствует об очевидной необходимости составления универсального алгоритма разграничения перечисленных юридических составов преступлений по выше обозначенным критериям, и его последующей визуализации в форме блок-схем. Последовательная оценка каждого критерия и, по результатам этой оценки, переход к оценке следующего критерия, дает возможность собрать совокупность признаков, позволяющих однозначно и точно квалифицировать деяние, как насильственный грабеж [25, с. 481].

Определенные трудности в правоприменительной практике вызывает вопрос о разграничении состава вымогательства и состава, предусмотренного ст. 179 УК РФ.

В научной литературе существует мнение о критерии разграничения - по видовому объекту преступления. Если лицо воздействует на волю потерпевшего относительно принятия решения о совершения сделки, о выборе контрагента или условий сделки, не посягая при этом на отношения собственности, такие действия должны квалифицироваться по ст. 179 УК РФ. Однако, если лицо в результате совершенных действий уменьшает имущественную массу потерпевшего, чем причиняет реальный ущерб, данные действия должны квалифицироваться по ст. 163 УК РФ.

Так, например, можно рассмотреть решение, вынесенное Ковровским городским судом Владимирской области. Бабаев И. и Бабаев М. совершили принуждение к заключению договора мены с доплатой. Суд квалифицировал действия Баевых как принуждение к совершению сделки.

Действительно, данная сделка имела характер возмездной. Однако не всякая возмездная сделка может свидетельствовать об отсутствии признаков вымогательства. При разграничении вышеуказанных составов в научной литературе справедливо высказывается мнение о том, что при принуждении к возмездной сделке необходимо устанавливать, что встречное предоставление

по ней было адекватным. В материалах дела указывалось, что Ф. имела благоустроенную квартиру, а обменяла на неблагоустроенную с доплатой в 1,5 миллиона рублей. Для установления отсутствия признаков вымогательства в действиях лиц необходимо устанавливать адекватность встречного предоставления, которая может быть установлена путем соотнесения с рыночной стоимостью аналогичного имущества. Однако о подобных мероприятиях в рамках расследования дела в тексте решения не содержалось информации.

В качестве еще одного примера спорной ситуации можно привести Приговор Железнодорожного городского суда Московской области. Согласно материалам дела, двое виновных вынудили выдать доверенность двоих потерпевших на приватизацию занимаемого ими жилого помещения. Судом данные действия были квалифицированы как принуждение к совершению сделки. По этой доверенности виновные заключили договор о передаче имущества в собственность граждан, право собственности по этому договору было зарегистрировано за представляемыми. Однако впоследствии виновные заставили подарить указанное жилое помещение им же. Данные действия суд квалифицировал по ст. 163 УК РФ. Суд второй инстанции не согласился с данным приговором и указал, что данные действия должны рассматриваться как одно преступление, совершенное с единым умыслом, направленным на завладение чужим имуществом, по ст. 163 УК РФ. Более того, из диспозиции ст. 179 УК РФ следует, что действия лиц не могут квалифицироваться по указанной статье при наличии в действиях лиц признаков состава вымогательства.

Однако, в данном случае было совершено две сделки: выдача доверенности и договор дарения. В результате первой сделки право собственности было зарегистрировано за потерпевшими, имущественного вреда выдача доверенности не принесла, отношения собственности не были затронуты. Впоследствии виновные заставили передать квартиру в дар

одаряемым: в результате этой сделки потерпевшим был причинен реальный ущерб в виде отчуждения права собственности.

Рядом исследователей высказывалась точка зрения, что при неоднозначности наличия или отсутствия признаков вымогательства необходимо сравнивать цену сделки с рыночной ценой [5, с. 27]. Однако, такая точка зрения не заручилась поддержкой в научных кругах.

Подводя итог, необходимо отметить, что обоснованной представляется позиция исследователей, которые проводят разграничение ст. 163 УК РФ и ст. 179 УК РФ по объекту посягательства.

Также, необходимо рассмотреть особенности отграничения вымогательства от самоуправства, так как данные преступления имеют достаточно много общих признаков. Так, например, если виновный принуждает потерпевшего составить фиктивную расписку о долге, то действия виновного по изъятию этого «долга», нарушающие порядок, не могут расцениваться как самоуправственные, но как вымогательство. Разница заключается в том, что при самоуправстве стремление лица – не обогащение, а восстановление своих прав [15, с. 198].

Примером этого положения может служить судебная практика: дело Лаврищева С.И. и Оборотова Р.С., которые первоначально обвинялись в совершении преступления, предусмотренного п. «а, в» ч. 2 ст. 163 УК РФ.

Лаврищев С.И. неоднократно на территории г. Ельца просил своего знакомого ФИО4 передать ему денежные средства в сумме 20000 рублей в качестве оплаты за выполненные им (Лаврищевым С.И.) отделочных работ, поскольку он работал в строительной бригаде ФИО4 и тот не заплатил ему заработную плату за выполненную работу. Лаврищев С.И., зная, что ФИО4 не имеет намерений выполнять его просьбы по возврату и передаче денежных средств за выполненную работу, находясь в автомобиле под управлением Оборотова Р.С, вступил в предварительный сговор с Оборотовым Р.С на выполнение действий по получению от ФИО4 денежных средств. После чего, Оборотов Р.С. посадил на заднее сиденье автомобиля не осведомленного об

их преступных намерениях ФИ04, где Лаврищев С.И. требовал передачи денежных средств за выполненную им ранее работу и применяя физическую силу обхватил левой рукой шею ФИ04 в целях подавления возможности оказания им сопротивления и нанес правой рукой не менее 8 ударов кулаком в область лица и головы, в результате чего ФИ04 были причинены телесные повреждения, причинив ФИ04 существенный вред в форме физических и моральных страданий. Созданная в результате совместных умышленных действий Лаврищева С.И. и Оборотова Р.С. ситуация была воспринята ФИ04 как реально угрожающая его личности, здоровью, формировала в его сознании убеждение о серьезности их намерений продолжить в отношении него применять насилие, чем ФИ04 был причинен существенный вред, в форме моральных страданий, в результате чего ФИ04 был вынужден согласиться выполнить требования о передаче денежных средств за выполненные ранее отделочные работы.

Исследовав доказательства, в судебном заседании государственным обвинителем было заявлено о переквалификации действий подсудимых Лаврищева С.И. и Оборотова Р.С. со ст. 163 ч. 2 п. «а, в» УК РФ на ст. 330 ч. 2 УК РФ. Суд пришел к выводу, что, учитывая рамки поддержанного в судебном заседании обвинения, необходимо квалифицировать действия подсудимых Лаврищева С.И. и Оборотова Р.С. по ст. 330 ч. 2 УК РФ как самоуправство, т.е. самовольное, вопреки установленному законом порядку совершение действий, правомерность которых оспаривается гражданином, с причинением существенного вреда, с применением насилия [36].

Начать разграничение вымогательства и самоуправства необходимо с общественных отношений, которые страдают в результате преступного посягательства. В вымогательстве родовым объектом выступают отношения в сфере экономики, видовым – собственность как юридическое, так и фактическое обладание имуществом конкретным лицом, обладающий, соответственно, правомочиями по пользованию, владению, распоряжению и исключительным правомочием на передачу этих прав другому лицу, а

непосредственным - имущественные интересы, которые обеспечиваются не только правом собственности, но и обязательственным правом. В самоуправстве (ст. 330 УК РФ) родовым объектом выступают общественные отношения в сфере нормального функционирования государственной власти и муниципального самоуправления, видовым – общественные отношения, направленные на нормальный порядок управления, непосредственным - установленный порядок реализации гражданами своих прав и исполнения обязанностей.

Также можно провести различие по предмету преступления. В вымогательстве предметом преступления выступает, во-первых, чужое имущество, во-вторых, имущественные права, в-третьих, действия имущественного характера.

Относительно субъекта уголовной ответственности имеются так же отличия. Для самоуправства (ст. 330 УК РФ) предусмотрен общий возраст уголовной ответственности – 16 лет, а для вымогательства уголовная ответственность наступает с 14 лет.

Исходя из особенностей норм, посвященных вымогательству и самоуправству, можно сделать вывод, что потерпевшим от вымогательства может стать любое лицо, ведь зачастую повод для вымогательства является придуманным, несуществующим на самом деле. При самоуправстве виновное лицо стремится удовлетворить свои потребности через конкретно определенное лицо, поскольку виновное лицо обычно знает, кто является перед ним «обязанным» лицом.

Также разграничение можно провести по тому, кому предъявляются требования: если требование предъявляются близким людям потерпевшего, то исходя из анализа ст. 163 УК РФ и ст. 330 УК РФ, данные действия будут квалифицироваться как вымогательство, так как если лицо не является стороной гражданско-правовых отношений с виновным лицом, то оно не может отвечать по предъявленным требованиям.

Что касается разграничения между вымогательством и самоуправством,

критерий разграничения в виде «чужого имущества» не является четким. Так как при самоуправстве лицо считает, что у него имеется действительное или предполагаемое право требовать от потерпевшего каких-либо действий (в том числе выплаты денежной компенсации) за ранее совершенные виновным лицом действия. И поэтому, если лицо требует какую-либо сумму, либо имущество, то он считает данное имущество (деньги) своим, то на что он имеет право, расценивая его как эквивалент оказанным ранее виновным лицом действиям.

Отличия между данными преступлениями можно найти и в объективной стороне. В самоуправстве такой признак, как «насилие» имеется в ч. 2 ст. 330 УК РФ. Причем, там соединены два вида насилия: психическое и физическое, то есть, как можно угрожать применить насилие, так и применить насилие. Угроза применения насилия, как и при вымогательстве, может быть разной по степени силы, то есть включать угрозу причинения вреда здоровью, а так же угрозу убийством. Но в самоуправстве, в отличие от вымогательства, можно угрожать только применением насилия.

Можно провести разграничение ст. 163 и ст. 330 УК РФ по субъективной стороне. Вымогательство по своей характеристике можно отнести к корыстно-насильственным преступлениям. Под таким признаком как корысть, необходимо понять желание, стремление лица (вымогателя) увеличить своё материальное положение путём завладения имуществом либо имущественных прав или совершения потерпевшим в отношении виновного действий имущественного характера.

Исследователями также отмечаются «определенные сложности при отграничении вымогательства от похищения человека, в силу того, что в квалифицирующие признаки данных составов включена такая форма насилия, как ограничение свободы, а состав похищения человека предполагает еще и такой признак, как корыстные побуждения» [3, с. 21].

Как отмечают исследователи, «в тех случаях, когда похищение человека сопряжено с вымогательством имущества или права на имущество, содеянное

следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 126 и ст. 163 УК РФ. Если же похищение предшествует предъявлению имущественных требований, то совокупности нет, ст. 126 УК РФ поглощает ст. 163 УК РФ» [3, с. 23].

Вымогательство может быть осуществлено с использованием шантажа. В то же время, необходимо отметить, что в УК РФ отсутствует понятие «шантаж», а в ст. 163 УК РФ не указывается ответственность за вымогательство с использованием шантажа. Кроме того, шантаж не выделен законодателем в отдельное преступление, поэтому в комментариях к статье 163 УК РФ шантаж и вымогательство не имеют четких граней. Их сочетание очень часто наблюдается в судебной практике, однако, несмотря на это, ответственность за оба эти деяния, объединенные в одно преступление, никак не отражены в УК РФ.

Отдельно об ответственности непосредственно за шантаж в УК РФ также ничего не сказано. Соответственно, шантажист не будет нести никакой ответственности за свой поступок, если он не доказан по факту и не подтвержден иском. Но нельзя забывать и про моральный ущерб и ущерб здоровью, который может быть нанесен на основе шантажа жертве преступления. При этом, жертве сложно доказать то, что именно на основе шантажа у нее наступило стрессовое состояние, на основе чего ухудшилось состояние здоровья. Данный аспект тоже не представлен в Уголовном кодексе и комментариях к нему. Зачастую шантаж сопровождается другими преступлениями - клеветой, оскорблением личности. Ответственность за все эти преступления предусмотрена отдельными статьями УК РФ. При этом, чаще всего в качестве наказания, законодательством России предусмотрено наложение штрафа, назначение принудительных работ, лишение свободы.

На практике, возникают трудности в части разграничения вымогательства от бандитизма. Подобные проблемы чаще всего возникают при разграничении вымогательства, совершенного организованной группой,

имеющей оружие, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья. Рассмотрим способы разграничения указанных составов.

Во-первых, во время нападения при бандитизме завладение имуществом происходит сразу после нападения, в то время когда при вымогательстве передача имущества осуществляется после выдвижения требования, то есть имеется разрыв во времени между требованием и передачей имущества.

Во-вторых, при совершении вымогательстве требование может подкрепляться не только насилием, но еще и шантажом, или угрозой уничтожения или повреждения имущества. При бандитизме нападение является только агрессивным, насильственным способом реализации преступного умысла. Исходя из указанных положений, можно резюмировать, что отграничение бандитизма от вымогательства должно проводиться по моменту реализации угрозы и моменту передачи требуемого имущества или совершения действий имущественного характера.

Необходимо отграничивать вымогательство от мошенничества, в первую очередь, по признаку передачи имущества, так при мошенничестве изъятие имущества происходит путем обмана или введения в заблуждение, потерпевший не осознает противоправный характер действий преступника. При вымогательстве, потерпевший и виновный понимают, что имущество изымается противоправно. Преступник требует передать имущество безвозмездно. Так, например, суд признал не обоснованной ссылку стороны защиты на переквалификацию содеянного подсудимым на мошенничество, в силу того, что способами хищения при мошенничестве, являются обман и злоупотреблением доверием, под воздействием которых владелец имущество добровольно передает это имущество и не препятствует его изъятию, в то время как, при вымогательстве, виновный под угрозами применения насилия и т.д., принуждает потерпевшего к передаче имущества, при этом потерпевший понимает, что имущество изымается противоправно.

Суд указал, что разграничение вымогательства и мошенничества проводится главным образом по признакам объективной стороны.



Вымогательство не относится к хищениям, в его объективную сторону входит требование о передаче имущества, подкрепленной одной из возможных угроз. При мошенничестве такие угрозы невозможны для воздействия на потерпевшего, а обязателен обман или злоупотребление доверием. В судебном заседании защитник в силу отсутствия доказательств вины в совершении его подзащитным вымогательства, ходатайствовал о переквалификации действий подсудимого на «мошенничество».

Суд указал, что такие доводы не являются состоятельными, так как подсудимый вымогал денежные средства у потерпевшего, и требовал передачи права собственности на автомобиль потерпевшего, подкрепляя свои требования угрозами и физическим насилием. Переквалификация действий подсудимого на мошенничество не представляется возможной [47, с. 16].

В целом, проведенный анализ позволяет сформулировать вывод, что вымогательство следует отграничивать от ряда других преступлений, в первую очередь от грабежа, разбоя, похищения человека, захвата заложник. При грабеже и разбое преступник требует немедленной передачи имущества и угрожает немедленным применением насилия в случае невыполнения его требований. При похищении человека и захвате заложника изначально осуществляется само преступление, а потом предъявляются требования о выкупе, а при вымогательстве требования вымогателя становятся известны жертве преступления в первую очередь.

Так, при вымогательстве угроза относится к будущему времени, что дает возможность потерпевшему принять меры охраны или обратиться за помощью к органам власти. При этом, еще раз отметим, что понятие шантажа не закреплено в действующем законодательстве, а равно и то, что ответственность за шантаж также в УК РФ не прописана, но суд исходит при этом в своем решении, отталкиваясь от ст. 163 УК РФ «Вымогательство». Эти проблемы говорят о том, что нужно разрабатывать пути совершенствования законодательства, предусматривающего ответственность за вымогательство.

## **Глава 3 Проблемы квалификации вымогательства и пути их решения**

### **3.1 Особенности квалификации вымогательства**

Как отмечают исследователи, «основные проблемы квалификации деяния по признакам вымогательства связаны, прежде всего, с невозможностью во всех случаях установить угрозу как конструктивный признак вымогательства» [18, с. 431].

Так, «важная проблема квалификации вымогательства по признакам ст. 163 УК РФ связана с невозможностью установления угрозы, подкрепляющей требование, если виновный высказывает угрозу в неконкретизированной форме. На практике, имеют место случаи, когда есть требование, а угроза отсутствует или носит иной характер, включая в себя общие фразы» [29, с. 160].

Подавляющее большинство вымогателей, участников организованных преступных групп, внимательно изучив признаки состава вымогательства, находят способ ухода от уголовной ответственности. При выдвижении требований о передаче чужого имущества они практически не высказывают реальных угроз, делают это в завуалированной форме, намеками. Вследствие этого граждане, обратившиеся в правоохранительные органы по факту совершения в отношении них вымогательства, получают в ответ отказ в возбуждении уголовного дела, так как в действиях вымогателей зачастую отсутствуют реальные угрозы.

Второй аспект проблемы квалификации деяния по признакам ст. 163 УК РФ связан с узким характером угрозы, предусмотренной в ст. 163 УК РФ. Так, Пленум Верховного суда РФ в Постановлении от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве» разъясняет, что «по смыслу ч. 1 ст. 163 УК РФ под сведениями, позорящими потерпевшего или его близких, следует понимать сведения, порочащие их честь, достоинство или

подрывающие репутацию (например, данные о совершении правонарушения, аморального поступка). При этом, не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой распространения которых совершается вымогательство. К иным сведениям, распространение которых может причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего либо его близких, относятся, в частности, любые сведения, составляющие охраняемую законом тайну» [34].

Помимо вышеизложенных, существуют и иные проблемы, связанные с квалификацией вымогательства, например, «как квалифицировать деяние, выразившееся в требовании о передаче имущества, прав на имущество или совершения действий имущественного характера, которое было удовлетворено сразу» [49, с. 390]. В юридической литературе по этому вопросу высказаны следующие суждения. Так, В.В. Подгорный указывает, что «в таких случаях возникает вопрос: совершено вымогательство или грабеж (разбой). Это вариант перерастания одного преступления в другое: вымогательства в грабеж или разбой, в зависимости от того, угроза каким насилием была применена» [32, с. 183].

В обвинительных приговорах судов также можно встретить формулировку «перерастание вымогательства в грабеж (разбой)». Так, «когда требование передачи имущества под угрозой применения насилия (вымогательство) сопряжено с непосредственным его изъятием у потерпевшего, оно перерастает в насильственный грабеж. В данном случае вести речь о перерастании вымогательства в грабеж и разбой некорректно, так как момент окончания вымогательства связан с моментом предъявления требования, подкрепленного угрозой, и никакие последующие действия потерпевшего не могут изменить уже совершенное преступление и, соответственно, изменить его квалификацию. Таким образом, передача потерпевшим имущества сразу уже никак не влияет на уголовно-правовую оценку содеянного. В данном случае, необходимо правильно оценивать начатое общественно опасное деяние именно как хищение» [50, с. 991].

Также, «возникает вопрос, как квалифицировать требование передачи чужого имущества с применением насилия или с угрозой его применения, когда часть имущества передана виновному немедленно, а передача другой предполагается в будущем. При ответе на данный вопрос необходимо отметить, что существует негласное правило: если вымогатель изымает не то имущество, которое требовал ранее, а другое, то на практике содеянное всегда квалифицируется по совокупности преступлений – вымогательства и еще одного посягательства на собственность – грабежа или разбоя» [51, с. 114].

Проблематику квалифицированного и особо квалифицированного состава за вымогательство исследователи, как правило, сводят к двум аспектам: «во-первых, это недостаточность тех механизмов, которые заложены законодателем в текст ст. 163 УК РФ, целью которых является дифференциация уголовной ответственности в виду отягчающих обстоятельств. Во-вторых, это оценочный характер ряда отягчающих обстоятельств исследуемого посягательства, что существенно затрудняет сам процесс дифференциации» [52, с. 1847].

Говоря о первом аспекте, следует отметить, что законодатель не считает нужным установить более детальный подход к разделению ответственности за вымогательства. В частности, как отмечают исследователи, «в ч. 2 и ч. 3 ст. 163 УК РФ полностью отсутствует такой институт множественности, формы которого вполне могут быть использованы в норме о вымогательстве. Более того, множественность как самостоятельный уголовно-правовой институт традиционно принимает в этом процессе самое непосредственное участие, и это касается не только посягательств на собственность. Например, специальные виды рецидива вновь вернулись в такие составы преступлений, как изнасилование (ст. 131 УК РФ) и насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), а неоднократность появилась в ст.ст. 180, 264, 314 УК РФ. И, несмотря на несколько иной смысл, вложенный законодателем в содержание данной категории в ее реанимированном состоянии, можно с уверенностью говорить о некоторых сдвигах в его отношении к

рассматриваемому явлению» [32, с. 184].

Крайне важным представляется обратить внимание на современное состояние тех отягчающих обстоятельств, которые законодателем уже упоминаются в ч. 2, 3 ст. 163 УК РФ, имеющих при этом так называемый оценочный характер, в связи с чем их практическое применение существенным образом затруднено. В первую очередь, речь при этом должна идти о п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ, предусматривающем повышение наказания за вымогательство, совершенное с применением насилия. Содержание данного термина сегодня является не совсем понятным и слишком обширным, что подразумевает широкое толкование, что в свою очередь препятствует созданию единой правоприменительной практики по данному вопросу.

При этом, «учитывая тот факт, что пока законодательно не выработано единое определение насилия, говорить о каком-то устоявшемся практическом понимании данной категории не приходится, что вполне логично. Даже в случае наличия той или иной законодательной дефиниции, в юридической практике возникают пробелы относительно тех или иных механизмов ее применения, соответственно при отсутствии данной дефиниции проблем, связанных с правоприменением возникает еще больше. Также ситуация усугубляется тем обстоятельством, что отечественный законодатель использует дифференцированные формулировки насилия при характеристике тех или иных видов преступления - опасное для жизни или здоровья и не опасное для жизни или здоровья» [32, с. 185]. При этом, «более подробно толкованию данных понятий посвящены соответствующие разделы разъяснения судебной практики по отдельным видам квалификации преступной деятельности. Касаясь состава вымогательства до сих пор не определено что представляет собой категория насилия в контексте квалификации преступных деяний по ст. 163 УК РФ. Законодатель не криминализировал насилие в ч. 1 ст. 163 УК РФ, следствием чего явилась недостаточная четкость ч. 2 данной статьи, где вид насилия не упоминается, как это сделано в ст. 162 УК РФ» [32, с. 186].

Подход к данному вопросу, проявленный законодателем при формулировании норм ст.ст. 161, 162 УК РФ, существенно более сбалансирован. Так, «виды насилия являются четко определенными, что позволяет дифференцировать ответственность. Подход, который продемонстрирован в данных статьях, позволил избежать резких скачков в оценке уровня общественной опасности деяния, которое совершается в различных обстоятельствах. Анализируя данные статьи, можно видеть, что в них обеспечен постепенный переход от базового уровня к основному с изменением фактических обстоятельств преступного деяния. К примеру, в части первой ст. 161 УК РФ насилие не предусмотрено, а пункт «г» части второй данной статьи указывает на насилие, не являющееся опасным для жизни и здоровья, что видится вполне логичным. Разрыв двух уровней общественной опасности минимален» [32, с. 186].

При этом, «в основе построения ответственности за вымогательство лежит иной принцип, и если ч. 1 ст. 163 УК РФ насилие как таковое не допускается, то п. в ч. 2 ст. 163 УК РФ допускаются три его разновидности (в виде физической боли, легкого вреда здоровью, вреда здоровью средней тяжести) одновременно. Указание на насилие, являющееся опасным для жизни или здоровья, является усеченным, поскольку не содержит упоминания о тяжком вреде здоровью, и в этой связи представляет собой самостоятельный, нигде не определенный вид насилия. В подобных условиях, практические работники неоднозначно воспринимают содержание ст. 163 УК РФ» [32, с. 187].

Рядом исследователей предлагается «в рамках насилия применительно к ст. 163 УК РФ рассматривать также незаконное лишение свободы потерпевшего, а также его похищение, что дополнительным образом расширяет содержание данной категории, но прямо не следует непосредственно из текста уголовного закона» [47, с. 16]. В то же время, С.П. Капустин совершенно справедливо отмечает, что «если насилие выразилось в совершении насильственных посягательств на свободу или

насильственных половых преступлениях, вменение только ст. 163 недостаточно; действия виновного требуют дополнительной квалификации по ст.ст. 126, 127, 131, 132 УК РФ» [16, с. 299].

Аналогичным образом, по мнению Р.Ф. Гарифуллиной, следует поступать и в отношении иных насильственных хищений. «Если ограничение свободы для хищения было замкнутым и не вызвано насилием, то содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 161 и ст. 127 УК РФ. Если же оно было вызвано принуждением, то по ст. 127 и п. «г» ч. 2 ст. 161 или ст. 162 УК РФ в зависимости от того, на какое преступление против личности совершалось посягательство» [8, с. 209].

Вместе с тем, «данный вариант квалификации преступных деяний является не совсем корректным, однако сам факт его существования свидетельствует о некой размытости в оценке категории насилия в преступлениях против собственности.

Существование законодательного подхода, когда в одних преступлениях против собственности, насилие четко разделено по определенным критериям и каждый критерий служит основой для ответственности по определенной квалифицированной или особо квалифицированной части; а в других насилие не подразделяется на какие-либо категории и представляет собой оценочную категорию. Данное положение дел, является не верным и влечет за собой пренебрежительное отношение к детализации и дифференциации уголовной ответственности со стороны практиков.

Также необходимо подчеркнуть тот факт, что чем более оценочной является категория, тем более неоднородный характер имеет правоприменительная практика, по оценке данной категории» [47, с. 16].

Возникновение данной ситуации обусловлено, во-первых, проблемами законодательной техники, а во-вторых, отсутствием разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по рассматриваемому вопросу (как ранее действовавшее разъяснение Пленума обошло стороной этот вопрос, так и недавно принятое).

Судебно-следственная практика должна идти в направлении детализации категории «насилие» применительно к составу вымогательства. При этом, «рассматриваемая категория должна получить более конкретный характер, что в свою очередь позволит не только дифференцировать уголовную ответственность, но и послужит основанием для разграничения смежных с вымогательством составов преступлений между собой. Предметная конкретизация категории насилия в контексте состава вымогательства, должна идти по пути унификации с уже содержащимися в тексте УК РФ и разъяснениях судебной практики разновидностями насилия» [47, с. 17].

Аналогичная ситуация складывается и при рассмотрении другой проблемы, которая заложена в п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ, а также иных посягательств против собственности – проблема дифференциации уголовной ответственности по групповым формам совершения преступных вымогательских действий.

Несмотря на достаточно часто встречающиеся случаи совершения действий предусмотренных объективной стороной состава вымогательства группой лиц без предварительного сговора, п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ фактически исключает данный вид соучастия. Исходя из этого, «правоприменитель вынужден квалифицировать действия соучастников по ч. 1 ст. 163 УК РФ, что естественно является неприемлемой ситуацией, в части несоответствия уголовного наказания фактическим обстоятельствам совершенного преступления» [24, с. 357].

Как отмечает В.А. Зверьяка, «безусловным является тот факт, что проблема соучастия является одной из самых сложных для конечного правоприменителя, в свою очередь отсутствие в квалифицированном составе вымогательства одного из видов соучастия таких сложностей существенно добавляет. Данные сложности зачастую носят не только уголовно-правовой характер, но и уголовно-процессуальный. Причина состоит в сборе и закреплении доказательств, подтверждающих, или, наоборот, опровергающих



определенный вид соучастия в содеянном. Если ранее оба вида предусматривал один пункт ч. 2 ст. 163 УК РФ, и проблема, связанная с доказательственной базой, не была столь серьезной и принципиальной в связи с тем, что не влияла на квалификацию, то сегодня проблема вышла на другой уровень.

В этой связи, от правоприменителей требуются усилия иного характера. Вполне логично и единый подход правоприменителей к данной проблеме, предполагающий равную общественную опасность вымогательства, которое совершено в соучастии различных видов, характеризующихся наименьшей опасностью» [14, с. 73].

При этом, «дифференциация ответственности за совершение вымогательства связана и с иного рода проблемами. Существуют пробелы, вынуждающие правоприменителей не всегда оправданно дополнительно квалифицировать содеянное. Это, в первую очередь, относится к тому, что квалифицированный состав вымогательства не предполагает такоеотягчающее обстоятельство, как совершение деяния с использованием служебного положения. При этом, при совершении анализируемого преступного посягательства обладание лицом теми или иными служебными полномочиями способно облегчать его не меньше, чем иные формы хищений. В силу того, что указанное отягчающее обстоятельство в ст. 163 УК РФ отсутствует, это приводит к квалификации по признакам, указанным в ст. 285 УК РФ, а в ряде случаев – по признакам ст. 286 УК РФ.

Подобная квалификация осуществляется и тогда, когда действия, совершенные виновным, направлены исключительно на вымогательство, а значение служебных полномочий или должностного положения состоит в том, что они служат лишь средством совершения преступного посягательства. Еще более сложная ситуация складывается в случае, когда отягчающие обстоятельства применительно к содеянному идентичны в составах вымогательства и, к примеру, превышения должностных полномочий» [14, с. 74].

Исходя из изложенного, можно сформулировать вывод о том, что существуют некоторые противоречия по поводу квалификации и формулировок квалифицирующих и особо квалифицирующих составов вымогательства. При этом, некоторые квалифицированные признаки совпадают с признаками хищения, это подчеркивает позицию законодателя о том, что вымогательство тесно примыкает к хищению.

### **3.2 Пути решения проблем квалификации вымогательства**

Как показало проведенное исследование, на сегодняшний день в правоприменительной практике возникает ряд проблемных вопросов, касающихся квалификации вымогательства (как по простому составу, так и по квалифицированному и особо квалифицированному).

В первую очередь, проблемы вызваны появлением новых, более изощренных способов и приемов, используемых в преступной деятельности, уровень образованности и интеллектуальное развитие субъектов преступления зачастую очень высок, они используют весь комплекс информационного прогресса, совершенствуя свои навыки.

Необходимо отметить, что общественная опасность рассматриваемого преступления повышается в связи с тем, что нередко вымогательство, сопровождается повреждением или уничтожением, имущества, пытками, насилием по отношению к потерпевшему или кругу его близких лиц.

Также одна из проблем квалификации вымогательства связана с тем, что зачастую сложно установить угрозу как конструктивный признак вымогательства. Разрешение указанной проблемы возможно путем дополнения Постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о вымогательстве» разъяснением: «Если предъявление требования о передаче чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера сопровождается неконкретизированной, неопределенной угрозой, но подразумевающей со

стороны виновного физическую расправу над потерпевшим и / или его близкими и которая воспринимается реально, с учетом всех обстоятельств по делу, должна оцениваться как угроза применения насилия»; изложения диспозиции ч. 1 ст. 163 УК РФ в редакции: «Вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые потерпевший либо его близкие желают сохранить в тайне».

Кроме того, считаем, что в серьезной корректировке нуждается система квалифицированных и особо квалифицированных признаков состава вымогательства.

Так, можно отметить оценочный характер ряда обстоятельствотягчающих уголовную ответственность за вымогательство. Как показал анализ ст. 163 УК РФ, корректировки требует оценочная категория насилия. Ее применение в существующем виде вызывает проблемы, связанные с правоприменительной практикой, так как практические работники по-разному оценивают данную категорию и практика привлечения к ответственности по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ существенно разнится, что безусловно является недопустимым.

Как показал анализ ст. 163 УК РФ, корректировки требует оценочная категория насилия. Ее применение в существующем виде вызывает проблемы, связанные с правоприменительной практикой, так как практические работники по-разному оценивают данную категорию и практика привлечения к ответственности по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ существенно разнится, что безусловно является недопустимым.

Помимо этого, «достаточно спорным является подход законодателя к изменению существовавших ранее и эффективно применяющихся обстоятельствотягчающих уголовную ответственность. Речь идет о одной из

разновидностей соучастия – группой лиц без предварительного сговора. Исключение данной формы соучастия из состава вымогательства фактически привело к смягчению уголовной репрессии за преступления данной категории, что представляется абсолютно недопустимо» [14, с. 74].

Также, «состав вымогательства должен иметь дополнительные квалифицирующие признаки, отягчающие уголовную ответственность, это признак использования вымогателем своего служебного положения и признак вымогательства предмета имеющего особую ценность.

Введение в текст ст. 163 УК РФ подобных квалифицирующих признаков существенно дифференцирует уголовную ответственность и позволит применять более суровые меры уголовной репрессии к лицу, которое при вымогательстве использует свое служебное положение (что безусловно создает для потерпевшего дополнительные проблемы), или вымогает особо ценные предметы (в виду специального статуса и значения данных предметов)» [33, с. 391].

Квалифицированный состав вымогательства содержит ряд пробелов, ограничивающих возможность должной дифференциации ответственности за вымогательство. Так, «УК РФ не предусматривает уголовной ответственности за совершение вымогательства предметов, обладающих особой ценностью. В случае хищений чужого имущества подобный предмет преступления обладает самостоятельным статусом. Однако, вымогательство к хищениям чужого имущества не относится.

Таким образом, в случае совершения подобного деяния содеянное квалифицируется по ст. 163 УК РФ, с учетом обстоятельств, что нельзя признать соответствующим общественной опасности, на степень которой оказывает в этом случае непосредственное влияние предмет вымогаемого имущества» [48, с. 52].

При этом, «особая уголовно-правовая охрана таких предметов, независимо от того, каков вид преступного деяния, демонстрирует единство подхода. Это относится в первую очередь к однородным преступлениям,

которые традиционно стоят в одном ряду и отличаются лишь с точки зрения способа совершения. Однопорядковый характер хищения и вымогательства, в которых даже способ, посредством которого они совершаются, отнюдь не всегда различим при квалификации, позволяет задаться вопросом о том, в связи с чем законодатель проигнорировал вымогательство как способ завладения особо ценным имуществом» [48, с. 53].

Обобщая вышесказанное отметим, что уголовно-правовая дефиниция вымогательства в настоящее время значительно расширяется именно под влиянием правоприменительной практики, однако, все еще требует трансформации подхода законодателя к правовому регулированию вымогательства предметов, обладающих особой ценностью.

Восстановление существующего пробела возможно посредством внесения в диспозицию ст. 164 УК РФ как хищения, так и вымогательства, либо же, для решения данного вопроса могут быть внесены соответствующие изменения в квалифицированный состав вымогательства, в котором указанный предмет может выступать отягчающим обстоятельством.

## Заключение

Проведенное в данной выпускной квалификационной работе исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Основной непосредственный объект вымогательства – это имущественные отношения, которые выражаются во взаимосвязи потерпевшего с имуществом, на которое вымогатель распространяет свои незаконные требования. Выделяется также дополнительный объект вымогательства – эмоционально-волевая сфера личности потерпевшего. Объективная сторона вымогательства состоит из совокупности двух самостоятельных, но взаимосвязанных действий. Первое – это предъявление вымогательского требования, а второе – предъявление вымогательской угрозы.

Субъективная сторона вымогательства предполагает прямой умысел. Виновный осознает, что под угрозой требует передачи чужого имущества, права на него или совершения действий имущественного характера, и желает принудить потерпевшего к выполнению его требований. При этом, он преследует корыстные мотивы и цели. Субъект вымогательства - физическое, вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

Проведенное в данной работе исследование позволяет утверждать, что в современном законодательстве, предусматривающем уголовную ответственность за вымогательство, существуют определенные проблемы. В первую очередь, это связано с тем, что рассматриваемое преступление является многообъектным. В процессе совершения преступления могут пострадать не только имущественные права человека, но и его личность, а также жизнь и здоровье. К тому же преступник может угрожать не только самой жертве, но и близкому кругу лиц.

Следующей причиной, из-за которой также систематически возникают проблемы с правильной квалификацией преступления, служит схожесть вымогательства с другими смежными составами преступления: разбой,

грабеж, самоуправство, похищение людей. Отличить схожие преступления помогает одно из характерных признаков вымогательства: выполнение требования и осуществление угрозы может осуществиться в будущем, либо не осуществиться вовсе.

Особую опасность представляет предварительный сговор, закрепленный в п. а ч. 2 ст. 163 УК РФ. Повышенная общественная опасность подобной преступности объясняется повышенным уровнем профессионализма, лучшей организованностью и продумыванием процесса совершения вымогательства до мелочей, что значительно затрудняет поиски преступников.

Согласно законодательной структуре, состав вымогательства является «усеченным». Факт передачи имущества или совершения иных имущественных действий в пользу вымогателя или указанных им лиц может иметь место через некоторое время после совершения преступления или вообще не может иметь место. Получение имущественных выгод в результате вымогательства или, наоборот, невозможности устремлений преступника из-за не зависящих от него обстоятельств не влияет на правовую оценку правонарушения.

Изучение теоретических и практических проблем квалификации вымогательства позволило определить характерные черты рассматриваемого преступления, историю развития и современные тенденции законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за вымогательство, а также исследовать квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки преступления, выявить проблемы и предложить возможные пути совершенствования законодательства.

По итогам исследования проблем квалификации вымогательства, были предложены следующие изменения законодательства:

- необходимо заменить в ч. 3 ст. 163 УК РФ особо квалифицирующий признак «в целях получения имущества в особо крупном размере» на «в особо крупном размере», это поспособствует более корректному

отражению данного вида квалифицирующих признаков. Так как такие предметы посягательства как: право на имущество и действия имущественного характера также могут быть совершены в особо крупном размере. Можно считать обоснованным охватывание данных предметов посягательства ч. 3 ст. 163 УК РФ.

- в ч. 1 ст. 163 УК РФ необходимо внести изменения и вместо «под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких» принять следующее: «шантаж». В ходе исследования, разработано понятие шантажа: «шантаж – это угроза распространения компрометирующих или клеветнических разоблачений с целью, которая выражается в каком-либо вымогательстве». Данное изменение повлечет за собой справедливое наказание за шантаж, так как это наиболее частый способ совершения вымогательства.

Сформулированные в данном исследовании предложения по совершенствованию уголовной ответственности за вымогательство, будут способствовать устранению некоторых пробелов в законодательстве, а также облегчат практическое правоприменение, что положительно скажется на предупреждении совершений вымогательств на территории России.



## Список используемой литературы и используемых источников

1. Абашина Л.А., Лавицкая М.И., Ефремова О.В. Проблемы конструирования легальной дефиниции «вымогательство» в отечественном уголовном праве: теоретико-правовые подходы // Вестник Международного юридического института. 2019. № 4. С. 51-59.
2. Амелькина Н.А. Вымогательство: проблемы отграничения от смежных составов преступлений // Аллея науки. 2020. № 2. С. 371-378.
3. Аракчаа С.М. Некоторые проблемы отграничения насильственного вымогательства от похищения человека в российском уголовном праве // Актуальные проблемы права и управления. Материалы научной конференции. – М., 2014. С. 21-23.
4. Баракова М.Ф. Угроза как обязательный элемент объективной стороны вымогательства // ExLegis: правовые исследования. 2019. № 1. С. 2-4.
5. Бозиев Т.О., Бычков С.Н., Чернядьева А.А. Актуальные вопросы соотношения вымогательства со смежными составами преступлений // Журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 2. С. 25-29.
6. Бычков С.Н., Чернядьева А.А. К вопросу о предмете вымогательства // Актуальные проблемы науки и практики: сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции. – М., 2019. С. 283-286.
7. Ведерников Д.М. К вопросу о разграничении насильственного грабежа, разбоя и вымогательства // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. Сборник статей по материалам научно-практической конференции. М., 2017. С. 107-111.
8. Гарифуллина Р.Ф. Некоторые вопросы квалификации вымогательства (ст. 163 УК РФ) // Евразийский юридический журнал. 2017. № 3. С. 208-211.
9. Голуб П.А. Объект и объективная сторона вымогательства // Молодой ученый. 2021. № 22. С. 288-290.

10. Гражданский кодекс РФ. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изменениями на 25 марта 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

11. Елисеев С.А. Определение вымогательства в УК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2020. С. 24-26.

12. Зацепин М.Н., Зацепин А.М. Объект и объективная сторона вымогательства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10. С. 114-117.

13. Зацепин М.Н., Филиппова О.В. Анализ квалифицирующих признаков вымогательства, совершенного группой лиц по предварительному сговору // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 24-27.

14. Зверьяка В.А. Уголовная ответственность за вымогательство // Проблемы права: теория и практика. 2020. № 50. С. 73-81.

15. Иванцова Н.В., Васин В.Ю. Проблемы отграничения вымогательства от смежных составов преступлений // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. Сборник материалов научно-практической конференции. М., 2017. С. 197-200.

16. Капустин С.П. Проблемы и особенности квалификации вымогательства // Молодой ученый. 2019. № 25. С. 297-299.

17. Кененбаев С.М. Уголовно-правовой анализ признаков субъективной стороны вымогательства // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы научно-практической конференции. М., 2019. С. 203-209.

18. Кененбаева Б.У. Понятие вымогательства в системе преступлений против собственности // Синергия Наук. 2019. № 36. С. 429-435.

19. Кондаурова Н.В. Некоторые проблемные уголовно-правовые вопросы по ст. 163 УК РФ (вымогательство) // Трансформация права и правоохранительной деятельности в условиях развития цифровых технологий

в России, странах СНГ и Европейского союза: проблемы законодательства и социальной эффективности. Материалы научно-практической конференции. М., 2019. С. 158-162.

20. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

21. Костяева О.Н. Некоторые аспекты квалификации вымогательства // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика. Материалы научно-практической конференции. М., 2018. С. 128-131.

22. Красинский Р.В. Объективные признаки вымогательства, как преступления против собственности // Преодоление правового нигилизма в современном обществе: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 8-12.

23. Лавицкая М.И., Ефремова О.В. К вопросу об отграничении вымогательства от смежных составов преступлений // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 24-27.

24. Любивая М.Н. Понятие вымогательства и его место в системе преступлений // Актуальные вопросы развития юридической науки: вопросы теории и практики. Сборник научных статей по материалам научно-практической конференции. М., 2019. С. 356-359.

25. Марьев Д.Г. Отграничение вымогательства от смежных составов преступлений // Проблемы теории и практики современной науки: материалы научно-практической конференции. Нефтекамск, 2020. С. 480-486.

26. Мелентьев А.В. Вымогательство: уголовно-правовая характеристики современные тенденции // Образование и право. 2020. № 4. С. 375-379.

27. Минакова А.С., Ратникова Н.Д. Особенности субъективных признаков состава вымогательства // Молодежный вектор развития науки: материалы научной конференции. М., 2019. С. 480-484.

28. Москвина М.А. Сложные вопросы отграничения вымогательства от смежных составов преступлений // Молодой ученый. 2019. № 42. С. 100-102.

29. Никитин Ю.А. Вымогательство как форма хищения чужого имущества // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы научно-практической конференции. М., 2017. С. 157-161.

30. Перов И.Ф., Павлухин А.Н., Руденко А.С., Эриашвили Н.Д. Уголовная ответственность за вымогательство. М., 2019.

31. Погромская И.В., Войнова Д.А. Актуальные проблемы уголовно-правовой характеристики вымогательства // Общество, экономика и право в процессе развития: сборник научных статей по материалам научно-практического форума. М., 2019. С. 265-269.

32. Подгорный В.В. Актуальные проблемы уголовно-правовой характеристики вымогательства // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика. Материалы научно-практической конференции. М., 2019. С. 181-187.

33. Попова Е.А. Некоторые спорные аспекты определения вымогательства // Академическая публицистика. 2019. № 5. С. 389-394.

34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

35. Приговор Выборгского районного суда Санкт-Петербурга от 20 мая 2020 г. по делу № 1-429/20 // СПС Консультант Плюс.

36. Приговор Елецкого городского суда Липецкой области от 17 октября 2020 г. по делу № 1-205/2020 // СПС Консультант Плюс.

37. Приговор Кировского районного суда г. Кемерово от 22 апреля 2019 г. по делу № 1-57/2019 // СПС Консультант Плюс.

38. Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 11 октября 2017 г. № 1-642/2017 // СПС Консультант Плюс.

39. Приговор Малоархангельского районного суда Орловской области от 26 декабря 2020 г. по делу № 1-23/2020 // СПС Консультант Плюс.
40. Приговор Раменского городского суда от 21 ноября 2018 г. по делу № 1-593/2018 // СПС Консультант Плюс.
41. Приговор Центрального районного суда г. Астрахани Астраханской области от 15 сентября 2020 г. по делу № 1-49/2020 // СПС Консультант Плюс.
42. Приговор Центрального районного суда г. Волгограда Волгоградской области от 10 июня 2020 г. по делу № 1-42/2020 // СПС Консультант Плюс.
43. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 27 мая 2019 г. по делу №1-285/2019 // СПС Консультант Плюс.
44. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 14 января 2019 г. по делу № 1-410/2019 // СПС Консультант Плюс.
45. Состояние преступности. Статистика МВД [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> .
46. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями на 25 марта 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 26. Ст. 2458.
47. Чертова А.А. Квалификация вымогательства // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы. Сборник научных статей научно-практической конференции. М., 2020. С. 15-17.
48. Degtyarev S.I. Bribery and extortion of the civil officialdom in the Russian Empire at the end of XVIII - the first half of the XIX century // East European History. 2016. N 2. p. 51-57.
49. Farajova G.S. Subjective signs of the criminal structure of extortion crime // Journal of Police and Criminal Psychology. 2020. N 3. p. 389-399.
50. Kenenbayev S.M., Sydykova L.C. Extortion committed by a group of persons by previous concert: features and peculiarities of qualification // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. N 3. p. 990-996.

51. Mamedov B.G. Concept and structure of the criminalistic characteristic of extortion, committed by the organized criminal group // *Astra Salvensis*. 2019. № 10. p. 113-120.

52. Mamedov B.G. Problem-search investigative situations arising after the detention of members of organized criminal groups engaged in extortion // *Opcion*. 2018. № 85. p. 1846-857.